ИЗ КНИГ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГЕРАСИМОВА

2452

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

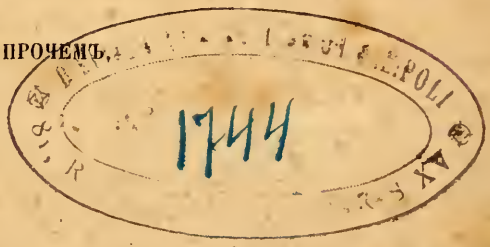
АБДУРРАХМАНА

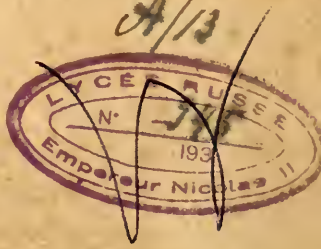
СЫНА ДЖЕМАЛЭДДИНОВА,

О

ПРЕБЫВАНІИ ШАМИЛЯ ВЪ ВЕДЕНѢ

И О ПРОЧЕМЪ.





ТИФЛИСЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ НАМѢСТН. КАВКАЗСК.
1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Тифлисъ, 1862 года 21-го сентября.

Цензоръ *А. Коваленскій.*

Авторъ этихъ записокъ—Абдуррахманъ, сынъ извѣстнаго дагестанскаго муршида Джемал-эддина и зять Шамиля, женатый на его старшей дочери Нафиссатъ. Это очень умный молодой человѣкъ, имѣющій впрочемъ наклонность къ схоластическому образованію, которое онъ и продолжаетъ въ Калугѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ Шамиля. Будучи ревностнымъ мусульманиномъ и исполняя по этому всѣ самыя мелочныя требованія религіи въ точности, Абдуррахманъ находитъ однако въ промежуткахъ намазовъ и чтенія богословскихъ книгъ довольно свободнаго времени для занятій литературою, которой и отдаетъ полное предпочтеніе передъ всѣми удовольствіями калужской праздничной жизни.

Такимъ образомъ составились у него записки, въ которыхъ изложены почти всѣ подробности обыденной жизни Шамиля за время бытности его имамомъ и нѣкоторыя событія предшествовавшія гунибской катастрофѣ, приключенія семейства плѣнника со времени взятія его въ плѣнъ и наконецъ личныя впечатлѣнія автора, возбужденныя въ немъ новою жизнію и чудесами цивилизаціи, видѣнными имъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Все это, не взирая на цвѣтистость арабскаго стиля, описано безъискуственно и потому кажется

весьма правдивымъ. Замѣчанія же и размышленія по-поводу нѣкоторыхъ предметовъ, обращавшихъ на себя особенное вниманіе автора, исполнены любознательности и остроумія.

Условія эти придаютъ мемуарамъ Абдуррахмана большой интересъ—и мы, выпросивъ у него нѣсколько отрывковъ, чтобы подѣлиться ими съ публикою, очень жалѣемъ, что не могли сохранить въ переводѣ тѣхъ особенностей, которыя составляютъ принадлежность арабскаго языка. На послѣднихъ страницахъ мы даже вынуждены были прибѣгнуть къ вольному переводу, придерживаясь только какъ можно ближе къ мысли подлинника.

Ап. Руновскій.

I.

Съ разореніемъ княземъ Воронцовымъ въ 1845 году Дарго, Шамиль перенесъ свою резиденцію въ окруженный неприступною мѣстностію Веденъ (1). Здѣсь, не вдалекѣ отъ самаго аула, онъ приказалъ выстроить для своего семейства очень просторный домъ, а собственно для себя небольшой флигель съ мезониномъ, состоявшимъ изъ одной каморки (2). Жилище свое Шамиль укрѣпилъ рвомъ, палисадомъ изъ толстыхъ бревенъ и стѣною, которую вооружилъ пушками—такъ, что все это представляло собою нѣчто въ родѣ отдѣльнаго укрѣпленія.

Поселившись въ Веденѣ, Шамиль строго запретилъ своему народу называть это мѣсто настоящимъ его именемъ; а вмѣсто того, далъ ему названіе прежней резиденціи «Дарго». Этимъ онъ хотѣлъ показать, что если русскіе взяли одно Дарго, то у него есть много другихъ (3).

Изъ трехъ комнатъ флигеля одна служила переднею,

---

(1) Шамиль и его свита произносятъ *Ведѣнз* а не *Ведень*, какъ обыкновенно произносятъ у насъ.

(2) По словамъ Шамиля и всѣхъ окружающихъ его горцевъ, планъ веденскаго дома, приложенный къ книгѣ г. Вердеревскаго «Плѣнницы Шамиля», совершенно вѣренъ.

(3) По словамъ Шамиля, «Дарго» на аичкеринскомъ наѣчіи, а «Веденъ» на чеченскомъ, имѣютъ одно и тоже значеніе: «плоское мѣсто».

другая столовою, а третья замѣняла ему кабинетъ, молельню, библіотеку и арсеналъ для его собственнаго оружія. Тутъ же проводилъ онъ и ночь въ то время, когда хотѣлъ провести ее въ одиночествѣ. Но въ этихъ случаяхъ онъ очень рѣдко предавался сну; по большей же части проводилъ всю ночь въ молитвѣ и чтеніи священныхъ книгъ.

Въ комнату имама имѣли доступъ весьма немногіе: сыновья его, казначей Хаджіо (чаще другихъ), секретарь Амиръ-Ханъ, я, рабъ божій Абдуррахманъ, и еще нѣкоторые очень близкіе къ нему люди. Всѣ прочіе посѣтители,—кто бы они ни были и по какимъ бы надобностямъ ни являлись,—были принимаемы въ особой назначенной для гостей комнатѣ (въ кунацкой). Приходившихъ въ заповѣдную комнату избранныхъ лицъ имамъ занималъ обыкновенно бесѣдою, въ которой всегда было столько же пріятнаго, сколько и полезнаго: онъ разсказывалъ имъ о прежнихъ временахъ и о газаватѣ; или же, читая коранъ и другія священныя книги, объяснялъ нѣкоторыя мѣста въ нихъ и тутъ же поучалъ своихъ собесѣдниковъ.

Жены Шамиля, Загидатъ (4) и Шуанатъ приносили ему въ эту комнату чай, обѣдъ и другія яствы; но сами онѣ никогда не раздѣляли его трапезы. Даже въ то время, когда онъ, являясь къ которой нибудь изъ нихъ въ гости, пилъ у нея на другое утро чай,—даже и тогда онъ пилъ его одинъ, а жена только прислуживала ему.

Изъ мужчинъ тоже немногимъ случалось обѣдать вмѣстѣ съ имамомъ; только Даніэль-султанъ да старшій сынъ Гази-Мухаммедъ обѣдали съ нимъ во время своихъ пріѣздовъ въ Веденъ. Прочіе же близкіе къ имаму люди, какъ жившіе постоянно въ Веденѣ, такъ и пріѣзжавшіе сюда для совѣщанія о разныхъ дѣлахъ и для полученія

(4) «Загидатъ»—по правописанію; въ разговорномъ языкѣ это имя обыкновенно обращается въ «Зейдатъ».

отъ него приказаній, всегда обѣдали вмѣстѣ, въ особой назначенной для гостей комнатѣ, называвшейся кунацкою. Эта комната служила не только столовою и гостиною, но въ ней же и ночевали тѣ изъ пріѣзжихъ гостей, которые останавливались собственно въ имамскомъ домѣ. Такихъ людей тоже было очень немного: Даніэль-бекъ, Гази-Мухаммедъ, да еще нѣсколько почетныхъ и ученыхъ людей, хорошо извѣстныхъ имаму. Всѣ прочіе пріѣзжіе гости останавливались у своихъ знакомыхъ въ аулѣ, но обѣдать всегда были приглашаемы къ имаму.

Имамъ обѣдалъ одинъ не изъ гордости и не потому, чтобы хотѣлъ устранить отъ себя возможность сближенія съ подчиненными лицами: прежде, еще въ старомъ Дарго, онъ всегда съ кѣмъ нибудь обѣдалъ; если были гости, то съ гостями, а нѣтъ—такъ съ почетными людьми, которые жили въ Дарго постоянно. Но когда жены довели однажды до его свѣдѣнія—что гости, сидя съ нимъ за столомъ, стѣсняются его присутствіемъ и потому совсѣмъ почти не ѣдятъ,—онъ тотчасъ же распорядился предоставить гостей ихъ аппетиту и съ тѣхъ поръ постоянно обѣдаетъ одинъ.

Впрочемъ, безусловно сказать этого нельзя, потому что на самомъ дѣлѣ имамъ никогда не обѣдалъ въ одиночествѣ: постояннымъ его собесѣдникомъ за обѣдомъ была пестрая некрасивая кошечка, поселившаяся въ его домѣ вскорѣ послѣ водворенія въ новомъ Дарго. Ее принесъ къ нему одинъ бѣглый солдатъ, по имени Андрей. Имамъ очень любилъ свою кошечку. Онъ поселилъ ее въ своей комнатѣ и устроилъ для нея особый уголъ. Кошечка являлась къ его обѣду каждый день безъ всякаго зова и онъ до того привыкъ къ ея обществу, что безъ нея не садился за столъ и до тѣхъ поръ самъ не ѣлъ, пока не начинала ѣсть она. Съ своей стороны и кошечка выказывала ему много знаковъ привязанности: между прочимъ она ѣла только то, что имамъ пригото-

вить для нея собственными руками. Въ отношеніи пищи кошечка была очень горда: она ничего не кушала кромѣ куринаго мяса, да чтобы мясо было раздѣлено на мелкіе кусочки. Имамъ обѣдалъ сидя на полу, за небольшимъ низенькимъ столомъ. Кошечка садилась противъ него и посматривая умильно какъ онъ приготовлялъ для нея кушанье, ласково мурлыкала. Кромѣ кошечки, съ имамомъ обѣдали иногда его маленькія дочери: Наджаватъ, Софіятъ и Баху-Меседу.

Когда имамъ отправлялся для занятій въ диванъ, кошечка всегда сопровождала его, и оставаясь на галлереѣ возлѣ дверей диванъ-ханэ, терпѣливо дожидалась его возвращенія. Когда же онъ выходилъ оттуда, она бѣжала впереди его, останавливалась у кабинетной двери и дождавшись когда онъ отворитъ ее, вскакивала въ комнату первая, а ужъ за нею входилъ имамъ.

Кошечка имама имѣла обыкновеніе ежегодно увеличивать число жильцовъ имамскаго дома нѣсколькими котятами. Однажды она вошла въ слѣдъ за имамомъ въ комнату совѣта. Занимаясь дѣлами, имамъ тогда только замѣтилъ ея присутствіе, когда она прокралась къ нему подъ шубу и, расположившись за его спиною, преспокойно улеглась себѣ спать. Не желая нарушать ея спокойствія, имамъ во все время засѣданія сидѣлъ почти не шевелясь, хотя отъ этого ему самому было очень не ловко. По окончаніи засѣданія, чтобы не безпокоить кошечку рѣзкимъ движеніемъ при вставаньи, имамъ запустилъ свою руку подъ шубу съ намѣреніемъ осторожно вынуть оттуда кошечку; но вмѣсто кошечки, онъ къ общему удивленію членовъ всего верховнаго совѣта, вынулъ нѣсколькихъ котятъ.

Въ послѣдствіи кошечка сыграла съ имамскою шубою туже самую штуку еще нѣсколько разъ, но уже не въ диванѣ, а въ кабинетѣ. Имамъ этимъ былъ очень доволенъ, потому что обстоятельство это считалъ очень хо-

рошимъ предзнаменованіемъ. И дѣйствительно: каждый разъ, когда кошечка разрѣшалась на его шубѣ, онъ получалъ изъ разныхъ мѣстъ самыя благопріятныя извѣстія. По этимъ соображеніямъ, хотя шуба и осквернялась дѣйствіемъ кошечки, но имамъ обыкновенно приказывалъ ее вымыть и потомъ продолжалъ носить по прежнему.

Во время осады Ведена, имамъ находился не далеко отъ аула, въ одномъ изъ окружающихъ его лѣсовъ. Имамское же семейство было отправлено въ крѣпость Ичичали еще ранѣе. Послѣ этого домъ имама заняли муриды Гази-Мухаммеда; самъ же Гази-Мухаммедъ расположился въ имамскомъ кабинетѣ и жилъ тамъ вмѣстѣ съ кошечкою, которая, не взирая на опасность, предстоявшую ея жилищу, безстрашно въ немъ проживала, отдавъ себя подъ покровительство новаго хозяина; Гази-Мухаммедъ также любилъ ее и также ухаживалъ за нею, какъ имамъ. Но не смотря на это, кошечка была скучна, почти ничего не ѣла и въ одинъ ненастный день Гази-Мухаммедъ нашелъ ее лежащею у дверей съ поднятыми къ верху лапами: она была мертва.

Гази-Мухаммедъ приказалъ ее обмыть, обернуть въ саванъ и потомъ съ честью похоронилъ ее; при чемъ, вмѣстѣ съ своими муридами молился въ шутку объ отпущеніи ея грѣховъ и даже произнесъ надгробное слово.

Кошечка считалась въ имамскомъ домѣ такимъ же отраднымъ явленіемъ, какимъ у другихъ народовъ считается добрый домовой. Когда имамъ узналъ о смерти своей кошечки, онъ сказалъ: «теперь мнѣ худо будетъ»!...

II.

Жены имама имѣли свои особыя отдѣленія, каждое изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ одна служила спальнею, въ другой стояли сундуки съ имуществомъ хозяйки, а третья была въ родѣ передней. Не смотря на этотъ просторъ, жены находились въ своихъ комнатахъ тогда только, когда ожидали посѣщенія имама; въ прочее же время онѣ проводили какъ день, такъ и ночь въ комнатахъ воспитательницы дѣтей своихъ; а спальни, оставаясь пустыми, всегда находились въ полномъ порядкѣ и чистотѣ.

Имамъ посѣщалъ своихъ женъ понедѣльно, строго соблюдая между ними очередь, вполнѣ согласно того, какъ написано объ этомъ въ книгахъ.

Относительно своихъ супружескихъ обязанностей, имамъ всегда былъ такъ же стыдливъ и цѣломудренъ, какъ невѣста въ первый разъ явившаяся къ брачному ложу.

Въ домѣ имама было много прислуги. Она состояла изъ плѣнныхъ мусульманъ-кумыковъ и изъ бѣглыхъ солдатъ. Желая доставить душѣ своей вящшее спасеніе, имамъ объявилъ первыхъ свободными и только по собственному ихъ желанію, оставилъ у себя въ услуженіи, за что одѣвалъ ихъ, кормилъ, давалъ въ случаѣ надобности барановъ и быковъ и даже дарилъ деньгами. Всѣ

они жили съ своими семействами въ особой слободкѣ, расположенной вблизи имамскаго дома.

Всевозможныя работы во всѣхъ отдѣленіяхъ имамскаго дома и двора лежали на обязанности плѣнныхъ мусульманъ: солдаты даны были только въ помощь имъ. Но при раздѣлѣ работъ между тѣми и другими, обыкновенно случалось такъ, что тяжелыя и черныя работы доставались на долю помощниковъ, а сами мастера или ровно ничего не дѣлали, или исправляли работы столько же легкія, сколько пріятныя. Такимъ образомъ, они рѣзали во время праздниковъ барановъ и быковъ; служили гостямъ за обѣдомъ; убирали всѣ комнаты, за исключеніемъ комнатъ имама и его женъ и проч.

Изъ числа всей прислуги, особеннымъ благоволеніемъ имама пользовались: казикумыкъ Бей-Мурза и тарковскій уроженецъ Лабазанъ. Первый, проживая на мѣстѣ въ Веденѣ, больше ничего не дѣлалъ, какъ только по праздникамъ рѣзалъ барановъ и быковъ. Остальнымъ временемъ онъ распоряжался по собственному усмотрѣнію, приберегая свои труды и свои услуги къ походному времени. За то въ походѣ проявлялась вся его дѣятельность, и онъ оказывался человѣкомъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ это время онъ былъ для имама всѣмъ: поваромъ, конюхомъ, лакеемъ и словомъ, одинъ онъ удовлетворялъ всевозможнымъ потребностямъ. Но, недовольствуясь видимымъ положеніемъ возлѣ имама, Бей-Мурза пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ удовлетворить своимъ воинственнымъ наклонностямъ и въ каждомъ дѣлѣ, гдѣ ему удавалось поджигитовать, дѣйствовалъ съ такою храбростію, что въ послѣдствіи имамъ призналъ справедливыхъ наградить его медалью.

Дѣятельность Лабазана была совсѣмъ инаго рода, хотя обязанности его были столь же многосторонни: въ одно и тоже время онъ былъ оффиціантомъ, буфетчикомъ, приживалкой разливающей чай, камердинеромъ имама и даже отчасти горничною его женъ, которымъ онъ больше

всего расточалъ услуги, стараясь заслужить ихъ вниманіе своимъ остроуміемъ и бойкостію. Но особеннымъ его благорасположеніемъ пользовался султанъ Даніэль-бекъ: лишь только до ушей Лабазана доходило извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ бека, онъ начиналъ метаться, какъ угорѣлая кошка: прогонялъ изъ слободки свою жену и заставлялъ ее вымыть въ кунацкой къ пріѣзду бека полы; выбиралъ для камина самыя сухія дрова и раскалывалъ ихъ на мелкія полѣна, потому что такъ любитъ бекъ; послѣ того, собственноручно протапливалъ въ кунацкой печи; безпрестанно бѣгалъ на женскую половину, требуя то шубу, приготовленную имамомъ собственно для бека, то разныя принадлежности постели, которую онъ тоже своими руками устраивалъ именно такъ, какъ любитъ бекъ. Однимъ словомъ, Лабазанъ, вообще отличавшійся своею бойкою услужливостію, въ это время превосходилъ самаго себя. Такое усердіе Даніэль-бекъ всегда вознаграждалъ самымъ щедрымъ образомъ—и одушевлявшій Лабазана огонь постоянно горѣлъ непрерывнымъ и ровнымъ пламенемъ.

Всѣ эти достоинства и беззавѣтная преданность Лабазана къ имаму и къ имамскому семейству сдѣлали его однимъ изъ самыхъ близкихъ и необходимыхъ въ домѣ людей: онъ одинъ докладывалъ о пріѣздѣ наибовъ и другихъ посѣтителей, имѣвшихъ къ имаму надобность; и ни одна бумага, присланная къ имаму отъ кого бы то ни было, не попадала въ его руки безъ того, чтобъ не побывала прежде въ рукахъ Лабазана. За то изъ всѣхъ мужчинъ, принадлежавшихъ къ имамскому дому, имамъ удостоивалъ своимъ разговоромъ только Лабазана и Бей-мурзу.

III.

Дѣлами края имамъ занимался въ общемъ собраніи членовъ своего совѣта, ежедневно, кромѣ пятницъ. Въ экстренныхъ случаяхъ собиралъ свой совѣтъ по нѣскольку разъ въ день.

Постоянными членами имамскаго совѣта были слѣдующія лица:

1) Мухаммедъ-эфенди Казикумухскій (Коръ-эфенди). 2) Раджабиль-Магома Чиркеевскій. 3) Яхъя-Хаджіо, артиллеристъ. 4) Джемалэддинъ, тесть имама. 5) Хаджіо-Дебиръ Каранайскій, и 6) Миттликъ-Муретазали, начальникъ муридовъ-тѣлохранителей имама.

Въ числѣ этихъ людей особеннаго вниманія заслуживали двое первыхъ. Изъ нихъ Раджабиль-Магома былъ въ 1845 году такимъ же начальникомъ муридовъ, какъ въ послѣднее время Миттликъ-Муртазали. Раджабиль-Магома, по преимуществу, былъ мужемъ совѣта: онъ безстрашно высказывалъ имаму всякаго рода истины, подчасъ не совсѣмъ пріятныя, за что пользовался особеннымъ его расположеніемъ. Что касается военныхъ его достоинствъ, то онѣ были отрицательнаго качества, и даже умеръ онъ въ слѣдствіе своей трусости. Въ экспедицію 1858 года, въ дѣлѣ подъ Таузеномъ, Раджабиль-Магома, одушевляемый присутствіемъ сыновей имама,

выказывалъ храбрость самымъ необычайнымъ образомъ: безпрестанно стрѣлялъ самъ изъ пушекъ, шутилъ, бранилъ русскихъ и вообще храбрился до того, что возбудилъ удивленіе въ людяхъ, знавшихъ его очень хорошо. Но удивленіе это обратилось въ неудержимый смѣхъ, когда русская артиллерія начала отвѣчать на выстрѣлы артиллеріи Шамиля и русскія ядра стали долетать до нашихъ горцевъ: съ первымъ же ядромъ Раджабиль-Магома бросился отъ своихъ собесѣдниковъ въ сторону и спрятался за деревья, гдѣ однимъ изъ послѣдующихъ выстрѣловъ оторвало у него половину плеча.

Глядя на струившуюся потоками кровь, Раджабиль-Магома очень смутился и выразилъ свои ощущенія сѣтованіемъ на то, что одинъ только онъ подвергся этой участи. Собесѣдники ему отвѣчали:

— Еслибъ ты не прятался въ кусты, а стоялъ бы вмѣстѣ съ нами на своемъ мѣстѣ,—то этого съ тобою конечно бы не случилось.

Другой совѣтникъ Шамиля, Мухаммедъ-Эфенди, прежде всего обращалъ на себя вниманіе своею наружностію: одного глаза у него совсѣмъ не было, а надрѣзанное вѣко другаго не позволяло ему иначе смотрѣть, какъ только одною половиною зрачка; другая же заходила въ это время за вѣко. Безобразіемъ своимъ Мухаммедъ-эфенди обязанъ милосердію и самоотверженію своего палача. До соединенія съ Шамилемъ, Мухаммедъ-эфенди проживалъ на своей родинѣ въ селеніи Кумухѣ, гдѣ вздумалъ было подобно Курали-эфенди (5) и Джемалэддину проповѣдывать тарыкатъ, въ чемъ имѣлъ даже сначала успѣхъ. Но лишь только слухъ объ этомъ дошелъ до владѣтеля Казикумуха, — Асланъ-ханъ немедленно приказалъ ослѣпить Мухаммеда-эфенди. Исполнителемъ приговора былъ одинъ изъ его учениковъ, который изъ особенной къ нему преданности выполнилъ возложенное

(5) «Кюринскій кади мулла-Магометъ».

на него порученіе такимъ образомъ, что и Мухаммедъ-эфенди не совсѣмъ лишился зрѣнія, и Асланъ-ханъ не могъ этого подозрѣвать, потому что изъ легкаго надрѣза, сдѣланнаго на вѣкѣ, истекала въ то время кровь, заливавшая собою весь глазъ...

Занятія верховнаго совѣта были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: понедѣльникъ, вторникъ, среда и четвергъ посвящались дѣламъ края по всѣмъ отраслямъ управленія; въ томъ числѣ, по понедѣльникамъ и вторникамъ обсуживались дѣла обществъ ближайшихъ къ резиденціи имама, какъ-то: Чечни, Ичкеріи, Анди и другихъ; и по средамъ и четвергамъ дѣла отдаленныхъ обществъ Дагестана, состоявшихъ въ управленіи мудировъ: Гази-Мухаммеда, Даніэль-бека и разныхъ наибовъ. Въ эти дни имамъ слушалъ донесенія однихъ наибовъ и изустные доклады другихъ, имѣвшихъ возможность явиться для этого лично. Въ одно и тоже засѣданіе постановлялись рѣшенія и опредѣлялись мѣры къ немедленному приведенію ихъ въ исполненіе.

Изъ числа остальныхъ дней недѣли суббота и воскресенье были назначены для пріема просителей и для разбора предъявлявшихся ими жалобъ и претензій; а пятница для молитвы и отдохновенія.

Объ этомъ распредѣленіи занятій совѣта было оповѣщено по всему краю.

Во время совѣщаній рѣшенія имама не встрѣчали возраженій только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касались собственно жалобъ на притѣсненія и вообще на неправильныя дѣйствія наибовъ. Здѣсь голосъ его былъ вполнѣ самостоятеленъ, Всѣ же прочія дѣла частныхъ людей между собою рѣшались въ совѣтѣ по шаріату и рѣшенія эти, опредѣляемыя однимъ изъ присутствовавшихъ, исправлявшимъ должность кади, утверждались прочими членами совѣта и имамомъ.

Что же касается управленія страною вообще, то всѣ

дѣла по этой части рѣшались присутствующими съ общаго совѣта и голосъ имама не имѣлъ здѣсь особеннаго значенія; имамъ излагалъ только сущность дѣла и высказывалъ свое мнѣніе. Члены же совѣта могли одобрить, или опровергнуть его. Настойчивость имама могла имѣть мѣсто въ отношеніи только военныхъ предпріятій. Впрочемъ, нерѣдко случалось, что и въ другихъ дѣлахъ онъ видѣлъ необходимымъ поступать вопреки не всегда дальновидныхъ мнѣній своихъ совѣтниковъ.

Пріемъ просителей происходилъ слѣдующимъ образомъ: имамскій домъ, какъ упомянуто выше, былъ окруженъ палисадомъ. Въ той сторонѣ палисада, которая прилегала къ комнатѣ совѣта, находились единственныя въ укрѣпленіи ворота и возлѣ нихъ кордегардія, гдѣ помѣщались муриды, содержавшіе въ имамскомъ домѣ караулъ. Сюда сходились всѣ, имѣвшіе къ имаму какую либо надобность. Какъ только являлся новый проситель, одинъ изъ караульныхъ муридовъ, распросивъ въ чемъ состоитъ его дѣло, шелъ къ комнатѣ совѣта, у внутреннихъ дверей которой стоялъ одинъ часовой, а возлѣ единственнаго ея окошка другой. Первому изъ нихъ муридъ приказывалъ вызвать начальника караула, десятника (онъ-баши), который постоянно находился въ комнатѣ совѣта, «для порядка» и для немедленнаго исполненія разнаго рода приказаній собственно по резиденціи. Передавъ десятнику то, что объяснилъ проситель (6), муридъ возвращался въ свое мѣсто; а десятникъ, войдя въ диванъ-ханэ, докладывалъ имаму о новомъ просителѣ и о сущности его дѣла. Судя по этому, имамъ или тотчасъ же рѣшалъ его и приказывалъ десятнику передать свое рѣшеніе изустно; или же приказывалъ позвать просителя въ диванъ. Распросивъ обо всемъ, что служитъ къ разъясненію дѣла, имамъ тотчасъ же рѣшалъ его, или изустно, или письменно. Въ первомъ случаѣ проситель выслушивалъ

(6) Жалобы и самыя сложныя дѣла никогда не излагались письменно.

рѣшеніе и немедленно удалялся; а въ послѣднемъ, смотря по сложности дѣла и по необходимости дополнить его новыми справками, ему приказывали сѣсть тутъ же въ диванѣ и дожидаться, пока секретарь напишетъ рѣшеніе. Если же надобности въ справкахъ не было, то просителю тоже приказывали выдти изъ присутствія и дожидаться своей бумаги въ кордегардіи. Назойливые просители изгонялись изъ присутствія десятникомъ съ посрамленіемъ.

«Письменное» рѣшеніе было не что иное, какъ небольшой клочокъ бумажки, на которомъ излагалось приказаніе тому или другому наибу, удовлетворить просителя тѣмъ или другимъ способомъ.

Засѣданія совѣта начинались рано утромъ и продолжались до обѣда, а иногда и до самаго вечера. Они происходили въ особой комнатѣ, называемой диванъ-ханэ. Все убранство этой комнаты составляли войлоки и ковры, прикрывавшіе разостланное по полу сѣно. Не было ни столовъ, ни стульевъ и ни какой иной мебели: члены верховнаго совѣта сидѣли на тюфякахъ, брошенныхъ возлѣ той стѣны, гдѣ они помѣщались; и только для имама положена была кромѣ тюфяка еще подушка, на которую онъ по временамъ облокачивался.

Комната совѣта представляла собою прямоугольникъ съ выдавшимся въ одной стѣнѣ углубленіемъ и съ пробитою въ немъ дверью, которая вела на внутренній дворъ. Этою дверью входилъ имамъ въ присутствіе и выходилъ изъ него. Въ самомъ углубленіи совершались во время засѣданій очередные намазы. Вся комната освѣщалась только однимъ окномъ, пробитымъ въ концѣ другой стѣны. Посрединѣ этой же стѣны была другая дверь, выходившая къ палисаду. Начиная отъ окна, по протяженію всей стѣны, отступивъ отъ нея на аршинъ, лежало бревно. Въ промежуткѣ между нимъ и стѣною посѣтители оставляли свои башмаки. Между окномъ и стѣною находился каминъ.

Мѣсто имама было возлѣ самаго окна. Онъ садился именно здѣсь съ тою цѣлію, чтобъ имѣть возможность говорить по временамъ секретно съ казначеемъ Хаджіо и съ другими близкими къ нему людьми, которые, не рѣдко встрѣчая надобность къ нему во время засѣданій, подходили для этого къ окну, чтобъ не вызывать его изъ присутствія.

Неподалеку отъ имама съ правой стороны располагались члены совѣта. Усаживаясь по мѣстамъ, они не только не спорили о старшинствѣ, но даже изъ учтивости уступали другъ другу старшія мѣста. Однако, первое мѣсто (ближайшее къ имаму) постоянно занималъ Мухаммедъ-эфенди, и только во время пребыванія въ Веденѣ какого-нибудь особенно-почетнаго гостя, имамъ сажалъ его выше своего изуродованнаго вице-президента.

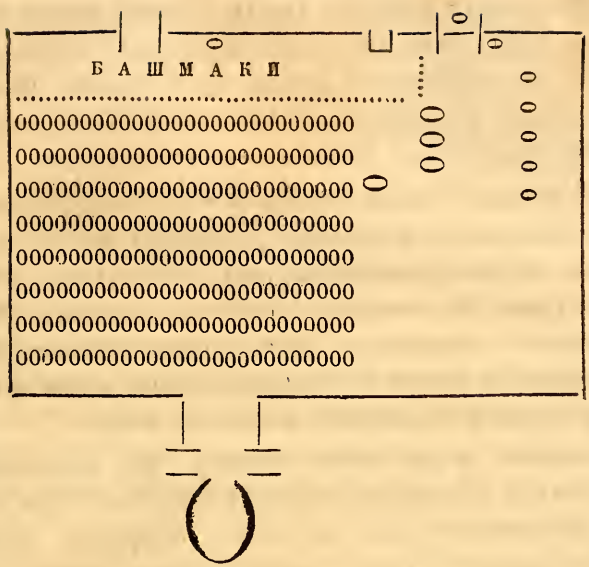
По другую сторону окна, неподалеку отъ имама сидѣлъ секретарь совѣта Мирза-Амиръ-ханъ. Онъ-то и писалъ имамскія рѣшенія и всякія другія бумаги. Трудъ свой Амиръ-Ханъ исполнялъ тоже безъ помощи стола: онъ писалъ положивъ бумагу на войлокъ и припавъ къ ней всѣмъ своимъ туловищемъ.

Нѣсколько поодаль Амиръ-Хана сидѣлъ переводчикъ чеченскаго и другихъ языковъ, неизвѣстныхъ имаму. Рядомъ съ переводчикомъ сидѣлъ начальникъ тѣлохранителей, озбаши (сотникъ) Миттликъ-Муртазали (7), а за нимъ, въ такомъ же недальнемъ разстояніи, начальникъ караула, десятникъ. Наконецъ, просители занимали все остальное пространство комнаты. Прилагаемый чертежъ лучше всего можетъ объяснить положеніе дѣйствующихъ лицъ въ верховномъ совѣтѣ (8).

---

(7) Муртазали садился здѣсь въ пріемные для просителей дни. Въ прочія засѣданія мѣсто его было между другими совѣтниками.

(8) Чертежъ этотъ сдѣланъ самимъ Абдуррахманомъ, послѣ чего разсмотрѣнъ и одобренъ Шамилемъ.



Обязанности начальника тѣлохранителей заключались въ докладѣ имаму свѣдѣній, собранныхъ имъ частнымъ образомъ относительно внутренняго состоянія страны и относительно неблаговидныхъ дѣйствій людей возбуждавшихъ различныя подозрѣнія. Равнымъ образомъ, онъ докладывалъ о жалобахъ и претензіяхъ тѣхъ просителей, которые не имѣли смѣлости или возможности являться къ имаму лично. Потомъ онъ выслушивалъ рѣшенія по всѣмъ дѣламъ, о которыхъ происходили въ совѣтѣ совѣщанія, и получивъ приказаніе отъ лица имама или отъ имени совѣта кого-либо убить, арестовать, призвать къ имаму, или въ совѣтъ, или устроить какое либо другое дѣло, Муртазали отряжалъ для этого, смотря по мѣрѣ надобности, извѣстное число муридовъ, которые были прямыми исполнителями всѣхъ подобныхъ порученій. Самъ же начальникъ ихъ принималъ на себя исполненіе порученій только въ особенно-важныхъ случаяхъ, и то не иначе, какъ по именному приказанію има-

ма. Командируя куда либо своихъ муридовъ, юзбаши велъ только между ними очередь, не разбирая въ этихъ случаяхъ ни способностей своихъ подчиненныхъ, ни ихъ усердія: всѣ избранные въ тѣлохранители считались одинаково способными и усердными.

Въ засѣданія совѣта начальникъ тѣлохранителей обязанъ былъ являться ежедневно. Квартиру же имѣлъ въ аулѣ, гдѣ были расположены тоже по квартирамъ и всѣ его муриды. Въ строевомъ отношеніи, начальникъ тѣлохранителей командовалъ своею сотнею обыкновеннымъ порядкомъ и вмѣстѣ съ нею сопровождалъ имама вездѣ: въ походахъ и въ мирномъ шествіи въ мечеть.

Почетная стража имама состояла изъ ста-двадцати муридовъ и двѣнадцати десятниковъ (онъ-баши). Они жили въ Веденѣ постоянно, на полномъ содержаніи имама. Кромѣ исполненія разнаго рода порученій и сопровожденія имама во всѣхъ поѣздкахъ, муриды еще содержали въ имамскомъ домѣ караулъ, смѣнявшійся еженедѣльно. Въ караулъ выходило десять человѣкъ съ своимъ десятникомъ. Они охраняли имамскій домъ и особу имама, а также употреблялись для передачи разныхъ приказаній, касавшихся собственно аула. Часовые отъ караула занимали два поста, о которыхъ было упомянуто выше. На часы становились они только во время засѣданій совѣта. Въ ночное время усиленія караула не было и часовыхъ тоже нигдѣ не ставили; а вмѣсто того, тѣже караульные муриды по очереди обходили въ продолженіи цѣлой ночи вокругъ палисада. Для этого они выходили по-двое изъ кордегардіи и направившись въ противоположныя стороны, сходились потомъ въ небольшой будкѣ, выстроенной собственно съ этою цѣлью на другомъ концѣ палисада. Зимою въ будкѣ всегда былъ разложенъ костеръ, около котораго обходные муриды въ ожиданіи другъ друга грѣлись.

Ночью въ кордегардіи постоянно горѣлъ огонь. Оста-

вавшіеся отъ обхода муриды спали по очереди Тѣ, которые не спали, обыкновенно или разговаривали между собою о своихъ подвигахъ и приключеніяхъ, или о томъ, что слышали въ продолженіи дня, или наконецъ молились Богу.

Караульные ходили обѣдать домой по очереди. Начальникъ тѣлохранителей, по окончаніи засѣданій совѣта, тоже шелъ домой; но если между имамскими гостями попадались его знакомые, тогда онъ оставался обѣдать вмѣстѣ съ ними у имама.

Караулъ смѣнялся каждую недѣлю по четвергамъ. Выходя изъ аула, караульные муриды всю дорогу до имамскаго дома пѣли «ля илляга илль алла». Въ этотъ день имъ давали обѣдъ съ имамской кухни...

IV.

Имамъ имѣетъ очень добрую душу: онъ добръ и милостивъ не только къ окружающимъ его, но и къ самымъ простымъ людямъ, къ прислугѣ, къ нищимъ, даже къ плѣннымъ. Вмѣстѣ съ просителями, приходившими къ нему для принесенія жалобъ, не рѣдко являлись бѣдные, просившіе помощи. Имамъ приказывалъ своему казначею Хаджіо немедленно удовлетворять ихъ нужды—и они тотчасъ же получали кто деньги, кто хлѣбъ, кто лошадь, быка, или барана, а инымъ выдавалось оружіе. Независимо того, множество бѣдныхъ приходили каждую пятницу въ Веденъ изъ окрестныхъ и изъ отдаленныхъ ауловъ. Слѣдуя за имамомъ, когда онъ шелъ въ мечеть и возвращался оттуда, они взывали къ нему о помощи и всегда получали достаточное и даже щедрое пособіе.

Имамъ былъ увѣренъ, что молитвы бѣдныхъ очень угодны Богу; и потому, отправляясь на войну, онъ собиралъ ихъ и одѣляя деньгами, ситцемъ и другими необходимыми предметами, просилъ ихъ молиться за успѣхъ предстоявшаго дѣла.

Каждую пятницу имамъ ходилъ молиться въ мечеть, куда являлись также и всѣ свободные отъ занятій мужчины, жившіе въ аулѣ и въ имамскомъ домѣ. Женщины въ мечеть не допускались, за исключеніемъ самыхъ древ-

нихъ и дряхлыхъ старухъ (9). Жители аула, а также и муриды обыкновенно собирались въ мечеть по троекратному призыву муэдзиновъ. По первому призыву муриды одѣвались и надѣвали все свое оружіе; по второму собирались къ квартирамъ своихъ десятниковъ и тотчасъ же вмѣстѣ съ ними отправлялись къ имамскому дому, расчитывая такимъ образомъ, чтобы съ третьимъ призывомъ быть на своихъ мѣстахъ. Они разставлялись шпалерами отъ имамскаго дома къ сторонѣ мечети; и когда имамъ, выйдя изъ дома, направлялся къ ней, муриды въ томъ же порядкѣ двигались вмѣстѣ съ нимъ, распѣвая «ля-илля-ля-га-илль-алла» и другія священныя пѣсни; что дѣлали они и въ то время, когда шли изъ аула къ имамскому дому.

Порядокъ шествія въ мечеть былъ слѣдующій: впереди шелъ имамъ въ зеленомъ суконномъ халатѣ, или въ обыкновенной чухѣ (черкескѣ). Въ случаѣ непогоды онъ держалъ надъ собою зонтъ. За имамомъ слѣдовалъ мирза Амиръ-ханъ. За нимъ сыновья имама, если только они бывали въ это время въ Веденѣ. За ними шелъ казначей Хаджіо; потомъ члены имамскаго совѣта и другія почетныя лица. Почти рядомъ съ имамомъ, только немного позади его, шелъ начальникъ тѣлохранителей Митликъ-Муртазали, вмѣстѣ съ своими муридами, входившими точно въ такомъ же порядкѣ и въ мечеть. У дверей ея ставился часовой—муридъ. При входѣ имама въ мечеть, всѣ мусульмане, пришедшіе туда раньше, вставали съ своихъ мѣстъ и почтительно давали ему дорогу.

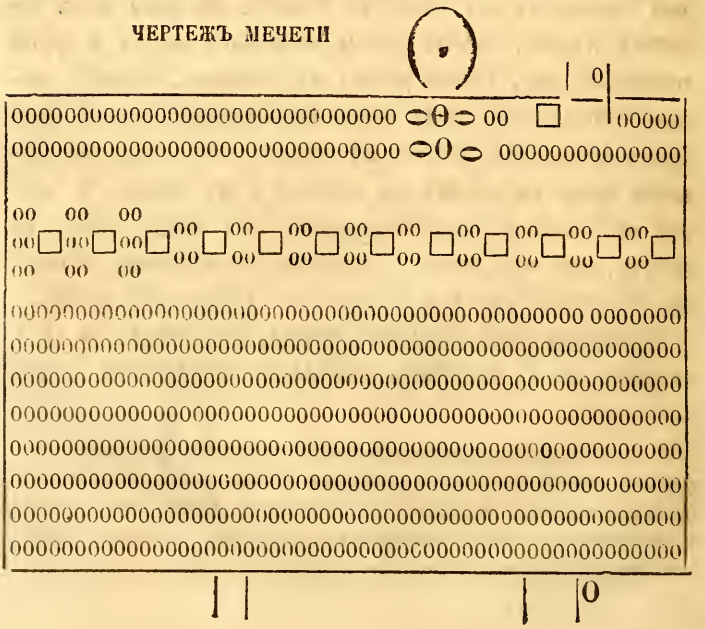
Обширный прямоугольникъ мечети, вмѣщавшій въ себѣ до шести-сотъ человѣкъ, раздѣлялся двѣнадцатью дере-

---

(9) Это постановлено правилами религіи, на томъ основаніи, что женщины должны молиться съ открытыми лицами, что и допускается въ присутствіи самыхъ близкихъ родственниковъ. Кромѣ того, передъ молитвою онѣ обязаны снять свои шальвары, чтобъ устранить всякое сомнѣніе въ тѣлесной нечистотѣ.

вянными столбами на двѣ почти равныя части. Передняя (восточная) стѣна мечети выдавалась посединѣ полукруглою нишью (углубленіемъ) подобною той, которая была въ диванъ-ханэ, только нѣсколько бо́льшихъ размѣровъ. Въ ней помѣщался мулла или какой нибудь ученый, который отправлялъ богослуженіе или, вѣрнѣе, руководилъ имъ. Обыкновенно должность эту исполнялъ отецъ мой, благочестивый Джемалэддинъ. Не вдалекѣ отъ ниши находилось единственное въ цѣломъ зданіи окно, съ наружной стороны котораго ставился другой часовой. Между нишью и окномъ, на земляномъ полу мечети устроено было возвышеніе, на которое въ извѣстные моменты богослуженія, входилъ мулла, чтобы прочитать особливыя приличныя случаю молитвы, разсказать правовѣрнымъ сущность и значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ и наставить ихъ различными поученіями. Весь полъ мечети, также какъ полъ въ диванъ-ханэ, устланъ былъ сѣномъ, покрытымъ сверхъ коврами и войлоками.

ЧЕРТЕЖЪ МЕЧЕТИ



Мѣсто имама было позади Джемалэддина, возлѣ черты, отдѣлявшей площадь мечети отъ ниши. По правую сторону имама садился мирза Амиръ-ханъ, по лѣвую Мухаммедъ-эфенди казикумухскій, а сзади старшій сынъ имама, покойный Джемалэддинъ, помѣщавшійся между младшими своими братьями Гази-Мухаммедомъ и Мухаммедомъ-Шеффи. Но если при богослуженіи присутствовали какіе нибудь особенно почетные гости, то Гази-Мухаммедъ и Мухаммедъ-Шеффи, изъ почтенія къ старшему брату, уступали имъ свои мѣста, а сами присоединялись къ муридамъ. Когда же Джемалэддина при богослуженіи не было, они занимали его мѣсто. По обѣ стороны Джемалэддина и сподручниковъ имама, разсаживались ученые, наибы, хаджи и почетнѣйшіе жители Веденя. Все пространство между столбами, отъ одной стѣны до другой, занято было муридами и десятниками; кромѣ ихъ, никто не имѣлъ права садиться въ этой линіи, за исключеніемъ сыновей близкихъ родственниковъ имама. Садясь по своимъ мѣстамъ, муриды снимали съ себя все свое оружіе и вѣшали его на вбитые въ столбахъ гвозди.

Всѣ прочіе богомольцы размѣщались позади муридовъ, а также и на антресоляхъ, устроенныхъ во всю длину мечети отъ столбовъ до задней стѣны ея.

Передъ началомъ богослуженія, имамъ обыкновенно обращался къ народу съ поученіемъ, которымъ убѣждалъ не дѣлать другъ другу зла и стараться со всѣмъ усердіемъ исполнять предписанныя кораномъ правила. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объяснялъ значеніе газавата и говорилъ о томъ, какія блага ожидаютъ участвующихъ въ священной войнѣ.

По окончаніи богослуженія, муриды вставали и надѣвали свое оружіе, а за тѣмъ начиналось обратное шествіе въ такомъ же точно порядкѣ, какъ и прежде. Богомольцы, непринадлежавшіе къ свитѣ имама, оставались на своихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока не уйдутъ изъ мечети всѣ участвовавшіе въ процессіи.

V.

Въ молодости имамъ былъ необыкновенно силенъ и отваженъ: никто не могъ догнать его на бѣгу, никто не могъ побороть его, никто не могъ скакать такъ высоко и съ такимъ искусствомъ, какъ онъ. Имамъ Гази-Мухаммедъ (Кази-Мулла) былъ его учителемъ и другомъ: они жили какъ родные братья, и все что ни встрѣчалось имъ въ жизни, они дѣлили на двѣ совершенно-ровныя части....

Какъ только народъ дагестанскій выбралъ имама въ это званіе, онъ принялся, «подобравъ полы и засучивъ рукава» ([10]), распространять шарріатъ и вводить новый порядокъ во внутреннее управленіе страною. Дѣятельность его по этой части коснулась всего достойнаго вниманія и участія: онъ возобновилъ приходившія въ разрушеніе мечети, предоставилъ многимъ торговымъ пунктамъ льготы возвысившія ихъ значеніе; потомъ, уничтожилъ всякія вредныя сборища, гдѣ люди проводили время въ праздности и пустыхъ разговорахъ, тѣмъ болѣе противныхъ корану, что они происходили въ обществѣ женщинъ. Но заботясь о внутреннемъ устройствѣ края, онъ въ тоже время прилагалъ всѣ старанія къ поддержанію газавата. Съ этой цѣлію онъ укрѣпилъ многіе особенно-важные

([10]) Поговорка, равносильная выраженію: «со всею энергіею».

пункты, както: Чохъ, Ирибъ, Улли-Кала и другіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ издалъ строгое постановленіе, чтобы каждый способный носить оружіе имѣлъ бы во всякое время не менѣе ста боевыхъ патроновъ.

Независимо многихъ другихъ распоряженій, клонившихся къ безопасности края, онъ дѣятельно занимался устройствомъ артиллеріи, которой въ прежнее время горцы никогда не имѣли. По этому, не довольствуясь орудіями, взятыми съ дагестанскими крѣпостями въ 1843 году, имамъ началъ отливать собственныя пушки, которыя назывались «казачьими» (горныя). На каждой изъ нихъ выбивалось клеймо съ именемъ имама: «Шамуиль». Ядра, для отливки которыхъ тоже было устроено особое заведеніе, имѣли съ одной стороны такое же точно клеймо, а съ другой стихъ корана: «да возвеличитъ и возвыситъ его Богъ еще больше»....

Кромѣ этихъ заведеній, въ Веденѣ былъ устроенъ еще пороховой заводъ, а въ слободкѣ, расположенной поблизости имамскаго дома и населенной ренегатами и плѣнными мусульманами, выдѣлывались даже ракеты, для которыхъ впрочемъ особаго заведенія не было. Производствомъ ракетъ первоначально занимался одинъ ренегатъ, по имени Урусъ-Хассанъ. Онъ же обучалъ этому дѣлу и горцевъ. Но въ послѣдствіи, когда они уже достаточно съ нимъ познакомились, ренегатъ былъ удаленъ и производство ракетъ перешло исключительно въ руки туземцевъ.

Вообще, имамъ очень дѣятельно занимался преобразованіемъ военнаго искусства у горцевъ и, взявъ себѣ за образецъ русскихъ, постепенно перенималъ отъ нихъ все, что находилъ полезнымъ.

Для этихъ преобразованій необходимо было ему окружить себя людьми умными, знакомыми съ наукой и искусствомъ. Къ сожалѣнію, страна наша находилась въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, которыя дѣлали ее

способною производить хорошихъ воиновъ, но не ученыхъ. Эти же условія препятствовали намъ имѣть сношенія съ чужеземными странами, откуда можно было бы вызвать свѣдущихъ людей—и потому число ихъ въ Дагестанѣ было очень ограниченно. Но за то имамъ ничего не жалѣлъ для привлеченія этихъ людей къ себѣ и никогда не пренебрегалъ умнымъ совѣтомъ, кто бы его ни предложилъ; а напротивъ, тотчасъ же предоставлялъ всевозможныя средства въ распоряженіе каждаго, кто только вызывался принести какую-нибудь пользу. Отъ этого, при ограниченномъ числѣ дѣйствительно полезныхъ дѣятелей, подобныхъ Юсуфу-Хаджи и турецкому выходцу Джіафару (11), нерѣдко попадались люди, руководимые однимъ лишь желаніемъ воспользоваться довѣрчивостію имама, чтобъ употребить ее во зло ради собственныхъ выгодъ.

Такимъ точно образомъ, одинъ карабахскій уроженецъ заявилъ имаму о своемъ умѣньи чеканить серебряную монету, говоря, что искусству этому онъ выучился у русскихъ во время пребыванія своего во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ постоянно работалъ на заводахъ и монетныхъ дворахъ. На этомъ основаніи онъ предложилъ устроить монетный дворъ и въ Веденѣ. Имамъ давно и очень желалъ, чтобы страна имѣла свою собственную монету и потому предложеніе карабахца ему очень понравилось. Обласкавъ его и давъ обѣщаніе отблагодарить послѣ перваго успѣха вполнѣ достойнымъ образомъ, имамъ приказалъ немедленно устроить помѣщеніе для мастерской и снабдить ее всякими снарядами, матеріялами и инструментами по указанію самого мастера.

---

(11) Юсуфъ-Хаджи—чеченецъ, жившій долго въ Константинополѣ и передавшій по возвращеніи оттуда Шамилю многія подробности о турецкой администраціи, изъ которыхъ нѣкоторыя тотчасъ были введены между горцами. Джіафаръ устроилъ въ Веденѣ пороховый и желѣзо-дѣлательный заводы. Послѣдній, по причинѣ слабыхъ понятій объ этихъ дѣлѣ мастеровъ и самого учредителя, существовалъ недолго.

Долго шли предварительныя приготовленія; еще долгіе тянулись послѣдующія работы, но успѣха не было ни малѣйшаго и судя по первоначальнымъ, смѣха достойнымъ результатамъ, трудно было ожидать успѣха когда либо въ послѣдствіи. И дѣйствительно, подъ-конецъ обнаружилось, что предпріятіе это по совершенному невѣжеству мастера, окончательно не можетъ состояться. За этотъ обманъ имамъ хотѣлъ было казнить карабахца; но тотъ успѣлъ выпросить себѣ отсрочку еще на одинъ мѣсяцъ, при чемъ самъ предложилъ условіе, что если въ теченіи этого времени онъ не исполнитъ своего обязательства, тогда имамъ воленъ предать его самой мучительной смерти; причину же своей неудачи онъ объяснялъ тѣмъ, что позабылъ употребить одинъ пріемъ, необходимый при плавкѣ серебра, именно: онъ позабылъ положить въ горнъ вмѣстѣ съ рудою мозгъ бѣлаго катера (мула), который въ этихъ случаяхъ обыкновенно употребляется русскими и всѣми другими образованными націями.

Согласившись на отсрочку, имамъ приказалъ дать карабахцу бѣлаго катера и исполнить другія предъявленныя имъ требованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по поводу его объявленія, что послѣдующіе свои опыты онъ долженъ производить секретнымъ образомъ и даже по-временамъ удаляться для этого въ расположенный поблизости Ведена лѣсъ, за нимъ учрежденъ былъ строгій надзоръ. Однако, не смотря на строгость, надзоръ этотъ оказался недостаточнымъ, потому что въ одинъ вечеръ, когда назначенный имамомъ срокъ былъ ужъ на исходѣ, карабахъ нашъ одѣлся, вооружился и сказавъ своимъ надзирателямъ, что ему нужно идти въ лѣсъ, отправился туда вмѣстѣ съ ними. Но тамъ ему удалось обмануть ихъ бдительность и онъ скрылся, счастливо избѣгнувъ всѣхъ поисковъ. Съ тѣхъ поръ о немъ не было никакихъ извѣстій.

VI.

Вотъ что происходило въ Веденѣ въ то время, когда русскій генералъ Дортъ-Гёзъ осаждалъ его съ своими войсками ([12]).

Какъ только русскіе обложили Веденъ, многіе нанбы, старшины и другіе почетные люди приступили къ имаму съ настоятельнымъ требованіемъ—удалиться изъ Ведена вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Гази-Мухаммедомъ въ ближайшіе лѣса, къ сторонѣ Баяни (Беноя). Они выставляли ему ту выгоду, что находясь поблизости Ведена, онъ будетъ имѣть возможность ударить въ нужныхъ случаяхъ на русскихъ съ любой стороны—и въ тоже время, сохранивъ себя отъ опасностей, онъ всегда будетъ въ состояніи поправить испорченныя дѣла. Между тѣмъ, если случайности войны лишатъ страну предводителя или его сына, то дѣло газавата погибнетъ навсегда. При этомъ совѣтники ручались, что отсутствіе имама нисколько не уменьшитъ ни усердія ихъ къ общему дѣлу, ни преданности къ нему лично и что наконецъ, всѣ они умрутъ тѣмъ съ большею охотою и пользою, что будучи увѣрены въ его безопасности, они и сами будутъ покойны.

([12]) «Дортъ-гезъ»—четырехъ-глазый: такъ зовутъ горцы генералъ-адъютанта графа Евдокимова. Въ числѣ многихъ ранъ, украшающихъ графа, одна послужила поводомъ къ этому почетному прозвищу.

Послѣ долгихъ разсужденій, при твердомъ сопротивленіи со стороны Гази-Мухаммеда, изъявившаго рѣшительное намѣреніе остаться въ Веденѣ, имамъ согласился наконецъ на сдѣланное ему предложеніе, сказавъ однако, что прежде всѣхъ наибовъ долженъ умереть сынъ его. На этомъ основаніи, поручивъ защиту Ведена Гази-Мухаммеду, онъ отправился въ лѣса, расположенные верстахъ въ трехъ отъ аула. Его сопровождали всѣ его мириды, Даніэль-бекъ и аракапскій наибъ Доногоніоль-Мухаммедъ съ своимъ войскомъ. Войска же Даніэль-бека препоручены были другому наибу.

Что касается имамскаго семейства, то оно еще ранѣе выѣхало изъ Ведена въ Ичичали со всѣмъ своимъ имуществомъ, получивъ на это приказаніе имама изъ аула Алистанджи послѣ несчастнаго для насъ дѣла подъ Тауженомъ.

Оставшись въ Веденѣ, Гази-Мухаммедъ внимательно осмотрѣлся въ своемъ новомъ положеніи. Подъ его начальствомъ состояло четырнадцать наибовъ съ ихъ войсками, числомъ до 5,000 человѣкъ. Помѣстивъ пятерыхъ наибовъ въ самомъ аулѣ, онъ расположилъ остальныя войска съ ихъ артиллеріею на горѣ, съ восточной стороны аула, по направленію къ Баяни. Самъ же онъ со своими собственными муридами и нѣкоторыми другими близкими людьми, числомъ до 150 человѣкъ, помѣстился въ имамскомъ домѣ.

Устраивая позицію наибовъ на горѣ, Гази-Мухаммедъ имѣлъ въ виду необходимость воспрепятствовать русскимъ занять эту гору, потому, что еслибъ это случилось, тогда и самый аулъ былъ бы ими немедленно взятъ. Съ лѣсомъ, въ которомъ находился имамъ, Гази-Мухаммедъ учредилъ постоянное сообщеніе такъ, что наибы очень часто ѣздили къ имаму, да и самъ имамъ пріѣхалъ однажды въ Веденъ чтобъ осмотрѣть работы и вникнуть въ положеніе осажденныхъ.

Аулъ былъ защищенъ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ, увѣнчаннымъ двумя рядами крѣпкихъ туровъ.

Ежедневно утромъ и вечеромъ Гази-Мухаммедъ объѣзжалъ съ своими муридами весь аулъ и позицію наибовъ для осмотра работъ и передачи различныхъ приказаній. Всѣ наибы въ случаѣ надобности обращались во всемъ къ Гази-Мухаммеду, который, удовлетворяя ихъ, постоянно заботился о поддержаніи средствъ къ защитѣ, для чего по мѣрѣ надобности дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Артиллерія была не у всѣхъ наибовъ, а только у тѣхъ, гдѣ она оказывалась, по мнѣнію Гази-Мухаммеда, необходимою. Такимъ образомъ, она большею своею частію находилась при войскахъ андійскаго наиба Дебира, расположеннаго на правомъ флангѣ, ближе всѣхъ къ непріятелю.

Въ числѣ наибовъ участвовавшихъ въ защитѣ Ведена, былъ свояк Гази-Мухаммеда, тилитлинскій наибъ Абдуррахимъ, женатый на другой дочери Даніэль-бека. У Абдуррахима была съ собою пушка, въ аршинъ величиною, веденскаго завода. Потребные для этой пушки заряды были такъ малы, что одинъ человѣкъ могъ нести до двадцати зарядовъ. Принадлежащія къ нимъ ядра величиною были съ половину кулака. Однажды вздумалось Абдуррахиму попробовать: долетитъ или не долетитъ его ядро до лѣсистой горы, лежащей по другую сторону аула. Проба эта казалась ему тѣмъ болѣе кстати, что въ это время тамъ находились русскіе, которые узнавъ, что сюда ѣздитъ часто Гази-Мухаммедъ для обозрѣнія ихъ лагеря,—поспѣшили занять гору и устроить на ней позицію. Предстоявшая абдуррахимову ядру дорога лежала надъ самымъ ауломъ. И вотъ желаніе тилитлинскаго наиба исполнилось; пушка его заговорила... Всѣ съ любопытствомъ устремили свои взоры на позицію русскихъ и стали наблюдать за полетомъ и дѣйствіемъ ядра. Но оно не вынесло столь дальней дороги и утомившись на по-

ловинѣ ея, опустилось въ самомъ аулѣ, на крышу какого-то дома, гдѣ одинъ изъ правовѣрныхъ варилъ для своихъ товарищей хинкалъ. Пробивъ крышу и потолокъ, ядро упало прямо въ котелъ и разбивъ его въ дребезги разметало по комнатѣ хинкалъ и до того напугало повара, что онъ выбѣжалъ изъ дома и въ ужасѣ не зналъ куда дѣваться и что съ собою дѣлать.

Когда слухъ объ этомъ происшествіи дошелъ до Гази-Мухаммеда, онъ написалъ къ свояку своему письмо, слѣдующаго содержанія: «Любезному родственнику нашему «Абдуррахиму поклонъ, а послѣ того увѣдомляемъ васъ: «что если вы желаете сражаться съ русскими, то стрѣ«ляйте въ нихъ, а не въ насъ. Если же вы хотите сра«жаться съ нами, то увѣдомьте насъ заблаговременно: «мы приготовимся къ тому».

Письмо это Гази-Мухаммедъ отправилъ въ полночь съ однимъ изъ своихъ муридовъ, который подползъ къ окопамъ, окружавшимъ позицію нашбовъ, и передалъ письмо по адресу. Прочитавъ посланіе, Абдуррахимъ написалъ Гази-Мухаммеду слѣдующій отвѣтъ: «Отъ нуждающагося «въ помощи Божіей ничтожнаго раба Абдуррахима, къ «великому человѣку Гази-Мухаммеду, сыну великаго «имама Шамуиля, поклонъ. Послѣ привѣтствія, именемъ «самого Бога прошу васъ простить ошибку моего оружія: «я хотѣлъ послать ядро русскимъ, но оно попало къ «вамъ. Не сердитесь за это на меня: я прошу прощенія. «Боже меня сохрани сражаться противъ васъ; я не «имѣю къ тому никакой возможности и никакого жела«нія; а если Богу угодно, то я буду сражаться съ «русскими, когда они къ намъ придутъ»...

.....

.....

.....

VII.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы живемъ въ Калугѣ. Не мудрено, что мы хорошо ознакомились съ нею и достаточно всмотрѣлись въ русскую жизнь. Правду сказать, хорошіе люди эти русскіе и хороша была бы ихъ жизнь, еслибъ не было въ ней безпрестанныхъ противорѣчій съ указаніями нашихъ книгъ. Впрочемъ и то сказать: наши книги учатъ добродѣтели и требуютъ всего прекраснаго; но хорошихъ учениковъ и ревностныхъ исполнителей между мусульманами тоже оказывается очень немного. Друзья наши Богуславскій и Руновскій говорятъ даже, что такіе исполнители живутъ только въ семействѣ имама, а больше ихъ въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, и что въ самыхъ вмѣстилищахъ всего добраго и святаго, въ Стамбулѣ и въ Меккѣ, грязь души—пороки господствуютъ несравненно въ большей степени, нежели гдѣ либо въ другихъ обыкновенныхъ мѣстахъ. Еслибъ не эти люди говорили, ни за что-бы не повѣрилъ. Какое печальное извѣстіе! Не грустно ли знать, что нѣтъ въ мірѣ человѣка истинно-святаго, истинно-добродѣтельнаго....

Впрочемъ, вся истина и все совершенство у Бога; у человѣка же, мнѣ кажется, не можетъ быть совершенства даже въ порокахъ...

Я сказалъ, что русскіе хорошіе люди: въ этомъ мы убѣждаемся собственнымъ опытомъ изъ ежедневныхъ съ ними сношеній. Удивительнѣе всего кажется то обстоятельство, что пріязнь и радушіе, которыя они намъ оказываютъ, носятъ на себѣ печать полной искренности, въ существованіи которой нѣтъ возможности сомнѣваться. Для насъ это тѣмъ болѣе непонятно, что пріязнь русскихъ распространяется на людей причинившихъ имъ такъ много зла,—что это зло по всей справедливости должно было бы обратиться теперь на виновниковъ его. Къ тому же, они имѣютъ для этого такой удобный случай, которымъ и лѣнивый воспользовался бы. А русскіе не воспользовались. Отчего бы это?... Аполлонъ ([13]) говоритъ, что въ дѣйствіи этомъ нѣтъ ничего особеннаго, что это сдѣлали бы и французы, и нѣмцы, и англичане, и всѣ другіе христіанскіе народы, потому что этого требуетъ отъ нихъ религія и разсудокъ... Странное дѣло: наша религія тоже учитъ человѣка быть добродѣтельнымъ; и она говоритъ, что простить врагу сдѣланное имъ зло—дѣло хорошее и пріятное Богу? но она не требуетъ этого настоятельно, подобно тому, какъ требуетъ пяти намазовъ, соблюденія поста и другихъ условій фарыза.... Ну, а это почему?... Вѣроятно потому, что на это есть какая нибудь причина; а можетъ быть потому, что мусульманинъ не въ состояніи исполнить этого требованія...

Какъ бы то ни было, но мнѣ кажется, что въ великодушіи русскихъ заключается своего рода мщеніе: какъ посмотришь на ихъ обращеніе съ нами, да вспомнишь прежнее обращеніе горцевъ съ русскими плѣнными,—то сдѣлается такъ совѣстно, что не смотрѣлъ бы на свѣтъ и даже невольно иногда пожелаешь увидѣть хоть какую нибудь перемѣну въ ихъ поступкахъ....

Жизнь наша въ Калугѣ проходитъ такъ пріятно, а домашній бытъ со всѣми его мелочами устроенъ такъ хо-

([13]) Капитанъ Руновскій.

рошо, что во мнѣ часто являлось желаніе описать все это до самой мельчайшей подробности и я не разъ уже принимался за это дѣло; но лишь только начиналъ писать, какъ тотчасъ же и оставлялъ это занятіе, видя совершенную невозможность продолжать его: все что представлялось моимъ глазамъ и моей памяти, возбуждало такъ много теплаго чувства, что мысли мои путались и въ головѣ оставалось одно: безпредѣльная признательность и благоговѣніе къ Государю за все, что Онъ для насъ сдѣлалъ....

VIII.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ въ Россіи, мы много видѣли удивительныхъ вещей, о которыхъ до этой поры не имѣли никакого понятія. Мы были въ Москвѣ, гдѣ предметовъ достойныхъ удивленія такъ много, что для обозрѣнія и изученія ихъ едвали достаточно человѣческой жизни. Но ничто не удивляло насъ въ такой сильной степени, какъ гимнастическое искусство англичанина Чапмана и его двухъ маленькихъ сыновей. Проявленіе тѣлесной силы и ловкости человѣческихъ мышцъ мы часто видѣли и въ Дагестанѣ, гдѣ достоинства эти считаются необходимою принадлежностію каждаго человѣка; но того, что показало намъ семейство Чапмановъ, мы никогда не могли представить себѣ и въ воображеніи, и конечно не повѣрили бы никакимъ разсказамъ, еслибъ не видѣли этого собственными глазами. Впрочемъ, мы—простые, обыкновенные люди. Но имамъ, который, какъ я уже сказалъ, въ молодости отличался и силою и необыкновенною ловкостію, онъ тоже былъ удивленъ не менѣе всѣхъ насъ, такъ, что исполняя просьбу Чапмана, который давалъ свое представленіе собственно для нашего семейства (14), имамъ приказалъ мнѣ изложить его удовольствіе пись-

(14) Конечно, для одних мужчин. *Примѣч. изд. Запис.*

менно. Я написалъ слѣдующее письмо, которое имамъ подписалъ и подарилъ Чапману:

«Я, странникъ сего міра, увидѣвъ чудеса гимнастики, «показанныя подателемъ этого письма, англійскимъ под- «даннымъ Чапманомъ и двумя его малолѣтными сынов- «ями, былъ очень доволенъ ихъ искусствомъ, потому что «оно основано не на обманѣ зрѣнія и не на фокусахъ, а «единственно на гибкости тѣла и необыкновенной ловкости. «Еслибъ я не видѣлъ этихъ чудесъ своими глазами, то «кто-бы ни говорилъ мнѣ о нихъ, я-бъ никакъ не могъ «повѣрить его словамъ. Теперь же долженъ сказать, что «много видѣлъ я на своемъ вѣку различныхъ чудесъ и «различныхъ чудодѣевъ, но подобнаго этому никогда «не видывалъ. *Нуждающійся въ помощи Божіей «странникъ Шамуиль.* Писано въ Калугѣ октября 18 «дня 1860 года».

XI

О, нѣтъ; есть на свѣтѣ вещи несравненно удивительнѣе искуства Чапмановъ! И эти вещи способны доставить человѣку не одно лишь удовольствіе, которымъ онъ успокоитъ праздныя минуты своей жизни; но возбудивъ въ немъ самое высокое къ себѣ удивленіе, онѣ внушатъ ему и самое искреннее почтеніе, потому, что дѣйствіемъ своимъ онѣ способны извлечь многихъ обиженныхъ природою людей изъ ихъ горькаго положенія и поселить въ семействахъ покой и счастіе.

Я говорю объ искусствѣ мастера Корженевскаго. Дочь имама, а моя племянница, Наджаватъ, отъ рожденія имѣетъ кривыя, до крайности обезображенныя ноги. Для пользованія ихъ употребляли еще въ горахъ различныя средства, но безъ малѣйшаго успѣха, потому что эти средства не были указаны наукою или опытомъ, а представляли собою не что иное какъ выдумки женщинъ, или обманъ пустыхъ и корыстолюбивыхъ людей. Такимъ образомъ одинъ изъ подобныхъ обманщиковъ обѣщалъ Наджаватъ исцѣленіе, если ноги ея будутъ заключены на цѣлыя сутки въ животѣ большой рыбы ([15]). Женщины наши послушались и достали ему большую рыбу; но дѣ-

([15]) Осетра.

ле кончилось тѣмъ, что обманщика выгнали, а Наджаватъ нисколько не пособили, только напрасно побезпокоили большую рыбу. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени уродливость Наджаватъ увеличивалась и укрѣплялись постепенно затвердѣнія костей. Теперь дѣвушкѣ этой уже тринадцать лѣтъ; значитъ она почти невѣста и слѣдовательно уродливость ея причиняетъ ей страданія болѣе невыносимыя, чѣмъ онѣ казались прежде, в) первыхъ потому, что она сознаетъ весь ужасъ своего положенія, а во вторыхъ потому, что сознаетъ невозможность исцѣленія.

Но вотъ нашъ добрый другъ Аполлонъ нашелъ этого джина ([16]) Корженевскаго, и спустя два дня послѣ его пріѣзда, пріятная надежда уже зародилась въ нашихъ сердцахъ, а чрезъ два мѣсяца спокойствіе и радость окончательно поселились въ нашемъ домѣ: ноги Наджаватъ совершенно выпрямились, и что всего удивительнѣе, безъ всякихъ страданій, какихъ по справедливости можно было ожидать при леченіи такого сложнаго уродства. Теперь не достаетъ ей только вполнѣ свободнаго движенія ногъ, потому что кости наружной части стопы еще не совсѣмъ выпрямились. Но для исправленія этого недостатка, мнѣ кажется, нужно присутствіе Корженевскаго только на одинъ день. Къ несчастію онъ, какъ говорятъ, заключенъ въ тюрьму за долги. Господи, окажи ему свою милость и даруй ему счастіе и радость!...

([16]) «Джинъ»—добрый духъ, добрый геній.

X.

Сейчасъ только возвратились мы изъ Петербурга, куда съ разрѣшенія Государя имамъ нашъ ѣздилъ для свиданія съ сардаромъ ([17]). Все что я видѣлъ и все что прочувствовалъ за время этой поѣздки, такъ полно занимаетъ мои мысли и такъ твердо расположилось въ моей головѣ, что я серьезно опасаюсь за цѣлость ея. Надо скорѣе облегчить тяжесть, которая давитъ меня, и я думаю, что ничѣмъ нельзя успѣшнѣе достигнуть этого, какъ передачею моихъ ощущеній кому нибудь другому. Но такъ какъ нѣтъ никого, кто-бы интересовался моимъ разсказомъ, то я передамъ его бумагѣ.

26-го іюля (1861 г.) прибылъ къ намъ отъ дежурнаго генерала фельдъегерь для сопровожденія насъ въ дорогѣ, а 27-го числа мы отправились въ Петербургъ. Всѣхъ насъ было пятеро: имамъ, Гази-Мухаммедъ, другъ нашъ капитанъ Руповскій и я съ братомъ (Абдуррахимомъ).

Прибывъ въ Москву, мы не останавливались въ ней ни на одну минуту, а подъѣхавъ къ станціи желѣзной дороги, отправились прямо изъ экипажей въ вагоны и тотчасъ же двинулись въ дальнѣйшій путь.

([17]) «Сардаръ»—намѣстникъ. Такъ горцы зовутъ фельдмаршала, князя Барятинскаго.

Желѣзная дорога отъ Москвы до Петербурга покажется тому, кто не видалъ ее, а только слышалъ или читалъ о ней, дѣломъ слишкомъ удивительнымъ и потому невозможнымъ. Подлинно, русскіе дѣлаютъ то, чего правовѣрнымъ и на мысль не можетъ придти. Чтобы сдѣлать то, что они дѣлаютъ, надо имѣть слишкомъ большія средства, а главное, слишкомъ большія знанія, которыя не знаю почему отвергаются ученіемъ нашей религіи.

Желѣзная дорога начинается въ Москвѣ рядомъ огромныхъ удивительныхъ домовъ, подведенныхъ подъ одну кровлю, которая держится на желѣзныхъ стропилахъ переплетенныхъ желѣзными же, тонкими поперечинами въ видѣ сѣти, или какъ это дѣлается въ клѣткахъ. Пустое пространство въ этой сѣти все безъ исключенія покрыто стекломъ, такъ что свѣтъ во внутренность домовъ главнѣйшимъ образомъ идетъ сверху; а тотъ, который исходитъ изъ оконъ, почти совсѣмъ не замѣтенъ. Всѣ эти дома называются однимъ именемъ: «путевой дворъ», или «дебаркадеръ». Первое названіе—русское, а послѣднее французское. Внутри дебаркадера поставлено множество креселъ, стульевъ и скамеекъ, на которые садятся въ ожиданіи отправленія люди желающіе ѣхать по желѣзной дорогѣ, а также родственники и знакомые, которые ихъ провожаютъ.

Всѣ эти дома и все что въ нихъ есть, а также все остальное, о чемъ буду сейчасъ говорить, все это устроено на счетъ казны и находится въ вѣдѣніи одного очень большаго и очень ученаго человѣка, который имѣетъ у себя очень много помощниковъ.

Самая желѣзная дорога устроена, какъ я замѣтилъ, такимъ образомъ: всѣ возвышенности земли срыты, а низменности возвышены насыпью. Чрезъ это образовалась дорога столь ровная, что ее можно принять за разостланное по землѣ полотно. На это полотно положены узкія желѣзныя пластины, называемыя «рельсами» и

идущія отъ Москвы до самаго Петербурга. Пластины эти по самой срединѣ своей имѣютъ возвышеніе, по которому идутъ колеса экипажей, имѣющія тоже посрединѣ выемъ, которымъ они и входятъ въ средину рельсовъ. Для того чтобы рельсы держались твердо, на всемъ протяженіи полотна дороги положены въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи поперечные деревянные брусья, къ которымъ рельсы прикрѣплены особеннымъ образомъ гвоздями.

Эти самые рельсы и называются *желѣзною дорогою*. Поѣздка по ней совершается въ экипажахъ, имѣющихъ видъ низенькихъ, очень красивыхъ продолговатыхъ домиковъ, которые выкрашены различною краскою и называются *вагонами*. Они поставлены на колесахъ и прикрѣплены другъ къ другу цѣпями, какъ въ кольчугѣ кольца. Вагоны бываютъ различной величины: въ нѣкоторыхъ помѣщается двадцать человѣкъ, а въ другихъ до восьмидесяти. Также различны бываютъ и удобства вагоновъ: въ однихъ есть только голыя скамейки и голыя стѣны; въ другихъ тоже голыя стѣны, но скамейки мягкія, а въ третьихъ стѣны, обитыя бѣлымъ сукномъ и малиновымъ бархатомъ, украшены зеркалами; сидѣнья или кресла очень мягкія, полы устланы коврами и уставлены прекрасною мебелью; а зимою, которая въ Россіи очень холодна,—въ этихъ домикахъ ставятся маленькія печи, которыя очень хорошо нагрѣваютъ ихъ. Есть еще четвертый разрядъ ваггоновъ, которые называются «семейными» и въ которыхъ при всѣхъ этихъ удобствахъ можно даже и лежать, такъ что здѣсь безпрепятственно можно совершать всѣ обряды нашей религіи. Но за то, за переѣздъ изъ Москвы до Петербуга (также какъ изъ Петербурга въ Москву), за семейный ваггонъ, въ которомъ могутъ помѣститься отъ четырехъ до восьми человѣкъ, нужно заплатить отъ 100 до 250 рублей, тогда какъ сидящіе въ первомъ ваггонѣ платятъ только четыр

рубля съ человѣка. Однако и здѣсь путешественники сидятъ очень удобно, вѣжливо обратившись другъ къ другу лицомъ, точно какъ будто у себя дома.

Мы ѣхали съ имамомъ въ семейномъ ваггонѣ. Прочихъ ваггоновъ въ одномъ съ нами поѣздѣ было до пятнадцати и въ нихъ помѣщалось навѣрное больше пятисотъ человѣкъ, кромѣ ваггоновъ съ почтою и нѣсколькихъ другихъ съ имуществомъ путешественниковъ. Нашъ поѣздъ былъ одинъ изъ самыхъ небольшихъ; а случается, что за одинъ разъ отправляется до тридцати ваггоновъ съ тысячью и болѣе путешественниковъ.

Каждый изъ нашихъ горцевъ, даже человѣкъ самый умный, если только онъ не знакомъ съ этимъ дѣломъ,— конечно будетъ безмѣрно удивляться или просто совсѣмъ не повѣритъ моимъ словамъ, потому собственно, что затрудится опредѣлить число лошадей, которое нужно для этой страшной тяжести. Но онъ еще больше удивится и окончательно назоветъ меня сказочникомъ, когда я скажу, что у насъ не было ни одной лошади и что пространство отъ Петербурга до Москвы въ 650 верстъ, которое верхомъ можно проѣхать въ 12 дней среднимъ шагомъ, мы проѣхали въ 20 часовъ. На мѣсто же лошадей, насъ везла паровая машина, которая называется *локомотивомъ*. Она съ виду похожа на исполинскій самоваръ съ исполинскою трубою. выбрасывающею паръ и дымъ и издающею пронзительный свистъ. Я не могу описать устройства этой машины въ подробности: для этого нужно слишкомъ подробно осмотрѣть ее и кромѣ того выучиться наукамъ, которыхъ я пока не знаю; поэтому скажу только то, что дѣйствіе ея удивительно и невѣроятно, а матеріалы, которые производятъ это дѣйствіе, всѣ заключаются въ дровахъ и водѣ. Послѣднія закипаетъ въ устроенныхъ особеннымъ образомъ котлахъ и превращается напослѣдокъ въ паръ, который и сообщаетъ всей машинѣ эту страшную силу и эту изумительную скорость.

По всему протяженію желѣзной дороги построено множество большихъ и малыхъ домовъ, которые называются станціями и у которыхъ останавливается поѣздъ, чтобъ запастись дровами и водою, принять или высадить пассажировъ, исправить случившіяся за дорогу поврежденія въ ваггонахъ и, наконецъ, для подкрѣпленія силъ путешественниковъ пищею. Остановки эти продолжаются 5, 10 и 15 минутъ, а для обѣда и ужина полчаса. Все это исполняется чрезвычайно аккуратно, такъ что поѣздъ не пробудетъ на станціи ни одной минуты лишней. Это исполняется съ тою цѣлью, чтобы прибыть въ Петербургъ къ назначенному сроку изъ минуты въ минуту.

На тѣхъ станціяхъ, гдѣ путешественники обѣдаютъ или пьютъ чай, выстроены огромные великолѣпные дома, называемые *вокзалами*, въ которыхъ за деньги можно достать все что угодно. Пробывъ здѣсь опредѣленное время, путешественники слышатъ звонъ колокола и каждый спѣшитъ занять свое мѣсто въ ваггонѣ. Послѣ этого поѣздъ двигается и снова летитъ какъ молнія, благодаря парамъ, которые приводятъ въ дѣйствіе колеса локомотива.

Когда смотришь на локомотивъ въ спокойномъ его состояніи, то ничего особенно-удивительнаго не замѣтишь: огромный самоваръ странной формы, и больше ничего. Но посмотри на него въ то время, когда онъ, испуская во всѣ стороны тучи дыма и милліоны искръ, мчится какъ молнія, сопровождая полетъ свой рѣзкими звуками, подобными визгу бомбы или ядра,—тогда невольно и много разъ вырвется изъ груди правовѣрнаго и «субуханала», и «машалла»!...

И вотъ, чрезъ двадцать часовъ нашего покойнаго и пріятнаго путешествія, мы пріѣхали въ восемь часовъ утра въ Петербургъ. Несмотря на очень раннее время, мы уже нашли на путевомъ дворѣ друга нашего, полковника Богуславскаго и младшаго сына имама, Мухам-

меда-Шеффи, который еще съ мая мѣсяца находится въ Петербургѣ на службѣ въ собственномъ Государевомъ конвоѣ. Зная о нашемъ прибытіи заблаговременно, Богуславскій и Мухаммедъ-Шеффи нарочно дожидались нашего пріѣзда.

Выйдя изъ путеваго двора, мы тотчасъ же сѣли въ карету и отправились въ великолѣпную гостинницу ([18]), гдѣ уже были приготовлены для насъ большія и прекрасныя комнаты, отлично меблированныя, устланныя коврами и уставленныя столами, на которыхъ приготовлены были для насъ чай и завтракъ. Отдохнувъ здѣсь самымъ пріятнымъ образомъ, мы отправились съ полковникомъ Богуславскимъ и капитаномъ Руновскимъ къ дежурному генералу, который принялъ имама ласково и обошелся подружески. Онъ сказалъ намъ, что въ настоящее время Государь находится въ Красномъ Селѣ, а фельдмаршалъ въ Петергофѣ; что о пріѣздѣ имама сегодня же доложатъ Государю, и когда послѣдуетъ Его приказаніе, мы тотчасъ же отправимся въ Красное Село. Послѣ этого мы возвратились въ гостинницу.

На другой день пріѣхалъ полковникъ Богуславскій и мы тотчасъ же отправились всѣ по желѣзной дорогѣ въ Красное Село, гдѣ остановились въ одномъ изъ дворцовыхъ зданій, въ которыхъ останавливаются также разные сановники и близкіе къ Государю люди.

Чрезъ полчаса отправились мы во дворецъ и стали ожидать выхода Государя возлѣ небольшаго садика. Тутъ мы застали много генераловъ и разныхъ офицеровъ въ самыхъ блестящихъ мундирахъ. Было также тутъ нѣсколько придворныхъ дамъ, которыя вмѣстѣ съ другими тоже дожидались выхода Государя. Въ этотъ день назначенъ былъ войскамъ парадный смотръ и Государь долженъ былъ отправиться изъ дворца на военное поле.

([18]) Знаменскую.

И вотъ вышелъ наконецъ Государь... Я не могу высказать словами того, что я почувствовалъ, увидѣвъ Его; знаю только, что духъ во мнѣ замеръ, ноги стояли на землѣ не твердо и я весь былъ внѣ себя; но никакъ не отъ страха, который въ нашей землѣ обыкновенно чувствуютъ маленькіе люди при встрѣчѣ съ большими людьми; а собственно отъ удовольствія, видя предъ собою лицо Государя такое доброе, такое прекрасное, что кажется не оторвалъ бы отъ него своихъ глазъ, а остался бы въ этомъ положеніи, еслибъ это было можно, на всю жизнь. Я увѣренъ, что всѣ наши люди думали тогда если не тоже самое что я, то мысли ихъ были очень сходны съ моими.

Государь прямо подошелъ къ имаму и устремивъ на него свой благодушный взоръ, сказалъ, что онъ очень доволенъ видя имама, и затѣмъ спросилъ о его здоровьѣ, а также о здоровьѣ его семейства и о томъ, покойно ли ему живется въ Калугѣ. На это привѣтствіе имамъ отвѣчалъ, что онъ и всѣ его домашніе здоровы и совершенно всѣмъ довольны, что признательность за это благополучіе и за постоянно оказываемыя Государемъ милости такъ велика, что человѣческій языкъ не въ состояніи ее выразить, и потому всѣ мы только молимъ Бога о ниспосланіи Государю здоровья и всѣхъ благъ душевныхъ. Въ этомъ родѣ происходилъ разговоръ еще нѣсколько времени. Потомъ Государь сказалъ по нѣскольку словъ другимъ лицамъ, а за тѣмъ сѣлъ въ коляску и отправился съ своимъ адъютантомъ на военное поле, пригласивъ туда же имама и простившись со всѣми очень привѣтливо.

По отъѣздѣ Государя, мы вышли изъ дворца и тотчасъ отправились въ экипажахъ на военное поле, гдѣ уже нашли войска совершенно готовыми встрѣтить Государя. Войска эти считаются самыми блестящими. Они постоянно находятся въ Петербургѣ и только на три лѣт-

нихъ мѣсяца оставляютъ его, чтобы подышать чистымъ воздухомъ полей. И въ самомъ дѣлѣ, что за чудный видъ представляютъ собою эти войска! Вотъ напримѣръ, всадники въ бѣлой одеждѣ, съ золотою блестящею какъ солнце грудью, въ такихъ же золотыхъ шапкахъ съ серебряными орлами на самыхъ верхушкахъ. Всадники эти сидятъ на огромныхъ черныхъ, какъ воронъ, лошадяхъ. Подлѣ этихъ всадниковъ расположенъ другой отрядъ, уже въ иномъ костюмѣ и на лошадяхъ совсѣмъ другой масти; за нимъ третій, четвертый и т. д., всѣхъ до 15-ти отрядовъ, у каждаго изъ нихъ особенное платье и лошади особой масти.

За кавалерією расположена была артиллерія и пѣхота: и та и другая казались такими же блестящими, какъ кавалерія, и все это, взятое вмѣстѣ, представляло зрѣлище удивительное, способное ослѣпить зрѣніе и помрачить умъ. Никто изъ насъ не только не видалъ ничего подобнаго, но никогда не могъ себѣ представить этого; и хотя объ этомъ, а также обо всѣхъ другихъ предметахъ намъ и говорилъ покойный сынъ имама Джемалэддинъ, но мы ему не вѣрили ни въ одномъ словѣ.

Пересѣвъ изъ экипажей на приготовленныхъ для насъ верховыхъ лошадей, мы отправились вслѣдъ за Государемъ, который объѣхалъ всѣ ряды войскъ, привѣтствуя каждую часть отдѣльно. Войска отвѣчали громкимъ, продолжительнымъ и радостнымъ ура!... Еслибъ все это видѣли наши горцы, то они много бы удивились и конечно, никогда не подумали бы о сопротивленіи такому могущественному и такому великодушному Государю.

Объѣхавъ всѣ войска, Государь подъѣхалъ къ Императрицѣ тоже пріѣхавшей на парадъ со своими придворными. Она помѣщалась въ великолѣпной палаткѣ, разбитой на устроенномъ собственно для этого холмикѣ. Государь остановился возлѣ этого холмика внизу. Тутъ же расположились мы и вся Императорская свита. Тот-

часъ послѣ этого, мимо Государя и Государыни начали проходить войска. Но въ тоже время ударилъ такой-сильный дождь, что въ одну минуту на насъ не осталось ни одной сухой нитки. Тогда мы подумали, что Государь немедленно уѣдетъ съ парада; но мы очень ошиблись; не только онъ, но даже и Государыня осталась на своемъ мѣстѣ до самаго окончанія смотра и даже возвратились они домой далеко не прежде всѣхъ. Это удивительно: такіе большіе люди и такіе не гордые.

По окончаніи парада мы возвратились во дворецъ, гдѣ уже былъ приготовленъ для насъ обѣдъ. Послѣ обѣда мы тотчасъ же отправились по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, а оттуда поѣхали на другой день въ Петергофъ, для свиданія съ княземъ Барятинскимъ. Сардаръ обошелся съ имамомъ совершенно дружески и въ происшедшемъ между ними разговорѣ сказалъ между прочимъ, что онъ любитъ его какъ роднаго брата.

Видя все это, я не могъ достаточно надивиться великодушію Государя и непамятозлобію сардара: если такимъ образомъ поступаютъ они съ человѣкомъ, который причинилъ имъ такъ много вреда, то какъ же они поступятъ съ человѣкомъ, оказавшимъ важную услугу и принесшимъ великую пользу? Удивительно и непонятно!.

Въ этихъ мысляхъ отправился я вмѣстѣ съ другими осматривать Петергофскій садъ и долженъ былъ перейдти отъ одного удивленія къ другому. Что за прелесть мѣстоположеніе, на которомъ построенъ Петергофъ и разведенъ его садъ! Все здѣсь, начиная отъ великолѣпныхъ дворцовъ и фонтановъ до бронзовыхъ статуй и до послѣдней травки, приковываетъ къ себѣ вниманіе посѣтителя. Глаза его, переходя отъ одного предмета къ другому, рѣшительно не знаютъ на чемъ остановиться и чему отдать предпочтеніе. Особенно поразили насъ статуи и фонтаны, которые попадаются здѣсь почти на каждомъ шагу. Одна изъ такихъ статуй представляетъ боль-

шаго человѣка, раздирающаго пасть льву, изъ языка котораго бьетъ вода на 50 локтей въ вышину. Подобнаго фонтана едва ли можно найдти гдѣ нибудь въ цѣломъ свѣтѣ. Но другіе, которыхъ мы видѣли въ Петергофѣ, тоже не менѣе удивительны, хотя и въ иномъ родѣ: то видишь воду, съ необыкновенною силою вырывающуюся изъ языка змѣи, которая обвилась вокругъ руки человѣка; въ другомъ мѣстѣ она бьетъ изъ носа, тамъ изъ ушей; или вдругъ увидишь цѣлый рядъ бронзовыхъ жабъ, тоже извергающихъ изъ себя воду. Вообще, прогуливаясь въ петергофскомъ саду, на каждомъ шагу встрѣчаешь предметы одинъ другаго необыкновеннѣе. Подходишь къ дереву, покрытому зелеными листьями; смотришь на него и думаешь, что это дѣйствительное дерево; но вдругъ какъ будто съ неба начинаетъ капать на тебя частый и мелкій дождь. Пораженный этою неожиданностію, смотришь на небо; но небо чисто, ни одной тучки; оглядываешься вокругъ себя и видишь, что дождь стремится изъ листьевъ и изъ вѣтокъ дерева, подъ которымъ ты пріютился. Наконецъ тебѣ объясняютъ, что и дерево, и листья, и вѣтки сдѣланы всѣ изъ одного желѣза, но такъ искусно, что даже свѣдущіе люди невольно вдадутся въ обманъ. Наконецъ, утомленный прогулкою, ищешь мѣста чтобъ отдохнуть и дать себѣ отчетъ въ томъ, что видѣлъ и что перечувствовалъ... И вотъ видишь поставленную въ тѣни скамейку: такъ хорошо должно быть тамъ, такъ уютно... Идешь къ ней и съ наслажденіемъ садишься, чтобы немножко помечтать... но не успѣлъ ты усѣсться, какъ въ туже минуту со всѣхъ сторонъ вокругъ тебя начинаетъ лить сильнѣйшій дождь!...

Однимъ словомъ, чудесамъ здѣсь конца нѣтъ, также какъ не было конца нашему удивленію, когда мы все это разсматривали. Да, въ Петербургѣ и Петергофѣ мы видѣли много, много такого, чего ни глазъ не видалъ, ни ухо не слышало и мысль не представляла.

Возвратившись въ Петербургъ, имамъ пожелалъ проститься съ Государемъ и съ сардаромъ, на что и получилъ позволеніе.

Государь принялъ насъ въ своемъ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ Императорская фамилія проводитъ каждое лѣто. Когда доложили Государю о нашемъ пріѣздѣ, онъ велѣлъ пригласить сначала имама съ Гази-Мухаммедомъ, а потомъ всѣхъ насъ въ свой собственный кабинетъ, въ который никто не можетъ входить, кромѣ членовъ Императорской фамиліи и самыхъ близкихъ къ Государю лицъ.

При входѣ имама, Государь подошелъ къ нему, подалъ ему руку и потомъ долго и очень ласково съ нимъ разговаривалъ. Между прочимъ, онъ сказалъ, что Государыня изъявила желаніе сдѣлать подарки женамъ и дочерямъ имама. Имамъ былъ очень тронутъ и не находилъ словъ, чтобы высказать свою благодарность. При прощаніи, Государь вторично подалъ имаму руку и тутъ же подарилъ ему богатую золотую шашку, принадлежавшую когда-то Мехти-Шамхалу. Но ни богатство оправы, ни цѣнность желѣза и ничто другое не было для имама такъ дорого и пріятно, какъ милость Государя, которую онъ оказалъ, сдѣлавъ подарокъ изъ собственныхъ рукъ.

Когда вошли въ кабинетъ мы, Государь продолжалъ еще нѣсколько времени говорить съ имамомъ и съ Гази-Мухаммедомъ. Потомъ, обратившись къ намъ, спросилъ у меня: видѣлъ ли я Петербургъ, Петергофъ и другія мѣста, а также былъ ли въ театрѣ? Я отвѣчалъ по-русски, что все это видѣлъ и всѣмъ остался доволенъ; но въ театрѣ не былъ, потому что въ то время театры были закрыты.

Потомъ Государь говорилъ еще съ нашимъ Аполлономъ и сказалъ ему «баракалла»; а за тѣмъ мы простились съ Государемъ и отправились къ сардару.

Сардаръ принялъ имама также дружески, какъ и прежде, и въ заключеніе пожелалъ имаму всего хорошаго и

просилъ писать къ нему за границу. Поблагодаривъ сардара еще разъ, имамъ простился съ нимъ и отправился вмѣстѣ съ нами въ Павловскъ, отстоящій отъ Царскаго Села въ четырехъ верстахъ.

Павловскъ—небольшой городокъ, котораго мы совсѣмъ и не видали, потому что онъ расположенъ за большимъ прекраснымъ садомъ, въ которомъ играетъ первая въ мірѣ музыка и гуляютъ множество людей, пріѣзжающихъ нарочно для музыки изъ Петербурга, изъ Царскаго Села и изъ другихъ окрестныхъ мѣстъ, такъ что гуляющихъ бываетъ здѣсь, какъ говорятъ, иногда до шести тысячъ человѣкъ. Здѣсь гуляли и мы. Но прежде гулянья имамъ совершилъ намазъ въ огромномъ великолѣпномъ домѣ, который называется вокзаломъ и куда, въ случаѣ ненастной погоды, гуляющіе переходятъ изъ сада. Здѣсь они тоже слушаютъ музыку, расположившись на прекрасныхъ скамейкахъ, которыми наполнена вся огромная зала. По окончаніи намаза, имамъ узналъ, что въ этомъ домѣ есть электрическій телеграфъ, который можетъ передать наши мысли и желанья за тысячу верстъ, въ какой нибудь часъ времени. Тогда онъ изъявилъ желаніе увѣдомить тотчасъ же семейство свое о полученномъ имъ отъ Государя подаркѣ. Аполлонъ написалъ объ этомъ записку и въ туже минуту начали двигать какою-то машиною. Послѣ мы узнали, что семейство наше получило это извѣстіе чрезъ полтора часа послѣ того, какъ мы его отправили. Это удивительно!...

Сдѣлавъ это дѣло, мы пошли гулять. Всѣ, кто только былъ въ саду, обратили все свое вниманіе на имама и выказывали ему особенное уваженіе. Потомъ, когда порядкомъ стемнѣло, мы вдругъ увидѣли чудесные яркіе огоньки, которые постепенно показывались изъ листьевъ и изъ вѣтокъ цвѣточныхъ кустовъ, разсаженныхъ кругомъ всего сада. Огни появлялись также неожиданно, какъ неожиданно обдавала насъ въ Петергофѣ вода. Въ самое не-

продолжительное время, въ какія нибудь десять минутъ, весь садъ былъ уже залитъ огнями, и намъ также было свѣтло какъ днемъ. Это удивительно! .. Но удивленію нашему не было предѣловъ и мы, отягощенные впечатлѣніями этого дня, возвратились наконецъ въ свою прекрасную петербургскую гостинницу и предались отдохновенію.

Но этотъ отдыхъ продолжался не долго: на другой же день принесли имаму драгоцѣнныя вещи, которыя пожаловала Государыня нашимъ женщинамъ и дѣтямъ. Мы всѣ отъ старшаго до младшаго не знали, какъ благодарить за эти милости и какъ заслужить ихъ. Но наши молитвы о счастіи Государя, Государыни, дѣтей ихъ и ихъ подданныхъ такъ искренни и чистосердечны, что невозможно, чтобы Богъ не услышалъ ихъ.

Чрезъ нѣсколько времени отправились мы моремъ на царскомъ пароходѣ въ городъ Кронштадтъ. Этотъ городъ расположенъ на островѣ и извѣстенъ своими неприступными укрѣпленіями. Здѣсь мы видѣли множество огромныхъ кораблей, изъ которыхъ многіе имѣютъ по семи этажей. Внутренность этихъ исполинскихъ домовъ уставлена необыкновенно большими пушками, числомъ отъ 80 до 150-ти. Много еще, чудеснаго мы видѣли на кораблях, но описать всего я не могу, все таки потому, что не знаю многихъ наукъ, безъ чего подобныхъ предметовъ и описывать нельзя.

Насмотрѣвшись вдоволь на корабли, отправились мы въ казенныя кузницы, подобныхъ которымъ нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Въ этихъ кузницахъ работаютъ болѣе ста кузнецовъ. Работа ихъ идетъ и днемъ и ночью, для чего они держатъ между собою очередь. Тутъ же видѣли мы огромный молотъ въ тысячу пудовъ вѣсомъ. Не смотря на эту страшную тяжесть, молотомъ управлялъ посредствомъ машины только одинъ человѣкъ и притомъ такъ же легко, какъ мы управляемъ маленькимъ молот-

комъ. Ударяя равномѣрно по раскаленному желѣзу, молотъ обращаетъ его въ самые тонкіе листы.

Возвратившись изъ путешествія въ Кронштадтъ, мы на другой день отправились на стеклянный заводъ, гдѣ приготовляютъ стаканы, графины и другія вещи. Удивительное дѣло, какъ легко все здѣсь дѣлается! Чтобы сдѣлать, напримѣръ, стаканъ, графинъ, или что нибудь другое, одинъ человѣкъ дунетъ только въ расплавленное стекло, какъ въ пузырь, не прикасаясь къ нему ни рукой, ни инструментомъ,—и вещь готова; остается только отполировать ее, что также очень легко дѣлается посредствомъ каменной машины. На этомъ заводѣ приготовляютъ люстры цѣною до 300 рублей.

Прямо изъ стекляннаго завода отправились мы на монетный дворъ, гдѣ чеканятъ деньги. Заведеніе это состоитъ изъ множества большихъ комнатъ, въ которыхъ каждый изъ рабочихъ занимается своимъ особеннымъ дѣломъ. Такъ въ одной комнатѣ приготовляютъ листы для монетъ, въ другой вырѣзываютъ изъ нихъ различной величины монеты, четвертаки, абазы, пол-абазы, пятачки, полтинники, рубли; въ третьей полируютъ монету; въ четвертой чеканятъ, въ пятой чистятъ, въ шестой считаютъ, въ седьмой вѣсятъ, въ осьмой собираютъ, въ девятой кладутъ въ мѣшки, такъ, что переходя изъ комнаты въ комнату, видишь все превращеніе грубаго металла въ красивыя изящныя монеты, которыя въ одной комнатѣ сыплются наконецъ, какъ на мельницѣ зерна. Всѣ эти комнаты мы исходили и все что тамъ дѣлается мы видѣли собственными глазами; но ни я и никто изъ моихъ товарищей не замѣтилъ, чтобы къ металлу прибавлялся бы мозгъ бѣлаго катера. Послѣ этого надо думать одно изъ двухъ: или русскіе не знаютъ еще этого секрета, или карабахъ былъ самый негодный обманщикъ.

Всѣ здѣшнія работы производятся машинами; а руки употребляются только въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ

случаяхъ. Какъ именно все это дѣлается, у меня нечего спрашивать: я не знаю, а знаетъ одинъ Богъ, для котораго нѣтъ ничего тайнаго ни на небѣ, ни на землѣ.

Осмотрѣвъ монетный дворъ, мы отправились въ звѣринецъ, гдѣ помѣщаются разныхъ породъ звѣри, птицы, змѣи, крокодилы и множество другихъ животныхъ, которыхъ прежде мы не только не видали глазами, но и названій ихъ не слыхали. Мы видѣли здѣсь разныхъ хищныхъ звѣрей, изъ которыхъ одни черны, какъ уголь, а другіе бѣлы, какъ снѣгъ; видѣли льва, львицу, тигра, волка и нѣсколько породъ обезьянъ, однихъ въ обыкновенномъ положеніи, а другихъ съ дѣтьми. Между ними видѣли одну обезьяну съ перьями, какъ у птицы, и съ лицомъ какъ у человѣка. Эту обезьяну держатъ, какъ и прочихъ, въ клѣткѣ. Особенно поразилъ насъ удавъ: это огромная змѣя толщиною въ человѣческое бедро. Говорятъ, будто онъ можетъ проглотить вола. Это онъ дѣлаетъ такимъ образомъ: обвивается около шеи вола, сжимаетъ ее и такимъ образомъ задушивъ, растягиваетъ въ длину и проглатываетъ. Хозяинъ звѣринца вынулъ этого удава изъ сундука, въ которомъ его постоянно содержатъ, и обвилъ имъ свою шею, какъ веревкой. Стоя въ этомъ положеніи, онъ разговаривалъ съ нами и сказалъ между прочимъ, что эта порода змѣй не ядовита; но мнѣ казалось, что когда удавъ высовывалъ свой языкъ, острый какъ пика, то хотѣлъ какъ будто ужалить. Удавъ несетъ множество яицъ величиною побольше куриныхъ; онъ питается зайцами, курами и другими птицами. Впрочемъ здѣсь досыта его не кормятъ, а только два раза въ недѣлю, чтобы обезсилить его и тѣмъ лишить возможности причинять вредъ.

Вотъ рѣдкости, которыя мы видѣли и которыхъ кромѣ Бога никто не можетъ постичь...

XI.

Но вотъ я опять на желѣзной дорогѣ: мы возвращаемся въ нашъ богоспасаемый городъ Калугу. Опять мы летимъ быстрѣе птицы, опять дымъ и искры устилаютъ нашъ путь и увлекаютъ за собою мое воображеніе. Но ровное, покойное движеніе ваггона успокоиваетъ тоже и мысли мои: разбивая безобразную массу, которая изъ нихъ составилась, оно отдѣляетъ одну мысль отъ другой и такимъ образомъ постепенно приводитъ ихъ въ порядокъ. Въ эти минуты я припоминалъ все, что въ послѣдніе дни видѣлъ, и холодною отрезвившеюся головою соображалъ тогдашнія горячія мои ощущенія. Въ размышленіяхъ своихъ я безконечно удивлялся и въ безмолвномъ трепетѣ благоговѣлъ передъ Создателемъ, надѣлившимъ человѣка такимъ высокимъ умомъ, такимъ неутомимымъ терпѣніемъ и такою дивною изобрѣтательностію. Удивлялся я и человѣку, который подчинивъ себѣ и огонь и воду, и землю и воздухъ, заставляетъ ихъ служить себѣ, какъ покорныхъ рабовъ... Но что же есть въ человѣкѣ такого, что дѣлаетъ его, столь слабое созданіе въ сравненіи съ другими обитателями природы, такимъ сильнымъ и непобѣдимымъ властелиномъ цѣлаго міра? Вѣдь все, что я видѣлъ, сдѣлано безъ всякихъ прискорбныхъ пожертвованій; приводя въ исполненіе свои

планы, человѣкъ не пролилъ ни одной капли крови, не тронулъ пальцомъ слабаго, не огорчилъ даже ребенка. Чѣмъ же, какимъ оружіемъ онъ сдѣлалъ свои дивныя завоеванія?... Правовѣрные, я знаю это оружіе: это умъ человѣка, просвѣтленный наукою. Такой умъ есть настоящій божественный даръ; и онъ-то доказываетъ присутствіе въ человѣкѣ частички божества, которой нѣтъ въ другихъ созданіяхъ Творца. Вотъ этотъ-то умъ и сдѣлалъ человѣка царемъ природы.. Я говорю вѣрно; и тотъ, кто хочетъ отдѣлиться отъ неразумныхъ тварей враждующихъ между собою, терзающихъ другъ друга и въ этомъ состояніи подававшихъ намъ примѣръ, которому мы столь слѣпо и неразумно слѣдовали, такой человѣкъ долженъ оставить свое оружіе вмѣстѣ съ своими мелкими, Богомъ нелюбимыми и недостойными человѣческаго званія страстями и отдаться наукѣ, которая даетъ такъ много спокойствія и пользы. Да услышатъ меня мои правовѣрные соотечественники, и да внушатъ имъ слова мои теплую вѣру и горячее желаніе послѣдовать моему совѣту: тогда я буду счастливъ безпредѣльно Аминь.